

РАКЕТЫ И КОСМОС

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ПО ПРОБЛЕМАМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
РАКЕТ И РАКЕТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

том 1. №1. лето 2001

От редактора

Итак, мы начинаем выпуск бюллетеня Ракеты и Космос. Наша главная цель - чтобы тематика нашего бюллетеня вышла за рамки классического противопоставления интересов ракетно-космической отрасли и задач нераспространения боевых ракет и связанных с ними дестабилизирующих технологий.

И хотелось бы, чтобы бюллетень Ракеты и Космос стал инструментом формирования общественного консенсуса и в России, и на Украине, и в других странах мира относительно необходимости ответственного поведения на мировом рынке ракетно-космических товаров и услуг. Ибо товар на этом рынке - больше, чем товар, а услуга - больше, чем услуга, и подходить к ним с классическими коммерческими мерками почти самоубийственно. В конечном счете, вопрос о том, как будет сформирована государственная политика в ракетно-космической сфере в широком ее понимании, является индикатором государственной, да и в целом геополитической полноценности того или иного политического деятеля или института.

И, к сожалению, политический багаж России в этом смысле бедноват. За нашими плечами пока что виднеется не слишком удачно проведенная Международная конференция «Космос без оружия - арена мирного сотрудничества в XXI веке», которая явно не добавила нашей стране авторитета в мире. И это несмотря на то, что с инициативой о ее проведении выступил лично президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Нынешнее руководство космической отраслью в России вообще ничем, кроме затопления орбитальной станции Мир и сомнительной практики космического туризма, пока не запомнилось. С таким подходом нечего и думать о том, чтобы достойно в мировой рынок ракетно-космических товаров и услуг.

А ведь именно отсутствие геополитического стержня и неумение, а порой и нежелание искать союзников и привели к тому, что во многих западных столицах Россию уже откровенно именуют государством-парией в ракетном нераспространении. И это может стать серьезным барьером на пути полноценной и достойной интеграции нашей страны в мировую экономическую систему.

Издатели бюллетеня Ракеты и Космос, безусловно понимают, что наше издание не в силах сломать все негативные тенденции, которые формировались годами, если не десятилетиями. И поэтому мы ставим перед собой более скромные цели: образование и обучение той части российской элиты, которая занята в ракетно-космической области в духе правовой и геополитической ответственности как перед своим государством, так и перед мировым сообществом. С этой надеждой мы и открываем первый выпуск нашего бюллетеня.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	1
Приветствие.....	2
Анализ.....	4
Дмитрий Евстафьев Геополитика ракетного нераспространения	
В ПИР-Центре.....	11
Распространение ракет и ракетных технологий: угрозы безопасности России заседание Экспертно- консультативного совета ПИР-Центра Доклад Ребекки Джонсон Доклад Виталия Лукьянцева	
Мнение.....	18
Александр Дмитриев Северокорейская ракетная программа	
Событие.....	23
Семинар для Федерального Собрания РФ Доклад Виктора Колтунова Доклад Михаила Лысенко	
Информация.....	26

PIR CENTER

Center for Policy Studies in Russia

ПИР-ЦЕНТР

Центр политических исследований в России

Приветствие

Сохранение международной безопасности и стратегической стабильности, наряду с другими направлениями, во многом зависит от выполнения международных обязательств в области сокращения СНВ. В этом немаловажную роль играет программа совместного уменьшения угрозы (СУУ), так называемая программа Нанна-Лугара.

В настоящее время сложилась централизованная структура исполнителей программы СУУ в России, и разработана «Федеральная программа промышленной утилизации вооружений и военной техники до 2005 года».

В реализации программы СУУ есть перспективы как на ближайшую, так и более далекую перспективу.

Другим важным направлением укрепления международной безопасности и поддержания стабильности является углубление международной интеграции, усиление взаимозависимости и сотрудничества в различных сферах, формирование экономического и информационного пространства.

Важную роль в решении этой проблемы может сыграть информационно-аналитический бюллетень по проблемам нераспространения ракет и ракетных технологий *Ракеты и Космос*, издаваемый ПИР-Центром политических исследований в России. Одни события уходят - им на смену приходят новые. Но смело можно утверждать: за последние десять лет вопросы нераспространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, а также средств его доставки стали одним из центральных в международных отношениях.

Полезным может оказаться освещение позиций и проблем нераспространения ракетных технологий применительно к государствам СНГ. Важно и то, что, наряду с проблемами нераспространения в информационно-аналитическом бюллетене, предусматриваются статьи и материалы по проблеме противоракетной обороны (как стратегической, так и нестратегической), сотрудничеству в сфере обмена данными о пусках ракет.

Международный характер бюллетеня позволит всесторонне освещать взгляды и позиции по тематике бюллетеня. Он, несомненно, будет полезным как для политиков, так и специалистов ракетной и космической отраслей.

маршал России
Игорь Сергеев
советник президента РФ по
вопросам стратегической стабильности

Приветствие

Считаю весьма полезным новое начинание ПИР-Центра – выпуск информационно-аналитического бюллетеня *Ракеты и Космос*. Думается - как об этом говорит и само название издания – на его страницах найдут отражение актуальные проблемы современности – нераспространение ракет и ракетных технологий, противоракетная оборона, а также предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. Эти три ключевые проблемы являются важными компонентами стратегической стабильности. Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивал необходимость ответственного подхода к обеспечению стратегической стабильности в XXI веке и, в частности, важность недопущения превращения космического пространства в сферу силового соперничества, а тем более военного противостояния.

Перспективы сохранения стратегической стабильности и международной безопасности подвергаются сейчас серьезному испытанию на прочность. Сохранение существующей договорно-правовой базы в области контроля над вооружениями и разоружения, укрепление и развитие ее, решение с помощью политико-дипломатических мер проблем нераспространения и предотвращения выхода оружия в космос – вот путь, за который ратует российская внешняя политика. Альтернативой является разрушение сложившейся за последние десятилетия архитектуры международной безопасности, стратегический хаос.

Рассчитываю, что новое издание ПИР-Центра станет действенным инструментом анализа многогранной проблематики ракет и космоса, послужит поиску и утверждению путей обеспечения конструктивного международного сотрудничества в области создания надежной системы безопасности в XXI веке.

Георгий Мамедов,
заместитель министра
иностраннных дел
Российской Федерации

Поддержание международной безопасности напрямую зависит от выполнения международных обязательств в области разоружения. В этой связи очевидно, что полная и своевременная реализация соответствующих положений достигнутых договоренностей по сокращению СНВ позволит внести существенный вклад в укрепление международной безопасности, включая ее экономическую составляющую. И в этом немаловажную роль играет программа Нанна-Лугара. Для реализации программы Совместное уменьшение угрозы за истекший период Украине выделено более 520 млн долл.

В результате оказанной США помощи на Украине практически ликвидировано 144 шахтовых пусковых установок. Другим важным направлением укрепления международной безопасности является углубление международной интеграции, усиление взаимозависимости государств в различных сферах, формирование экономического и информационного пространства.

Важную роль в решении этой важной проблемы может сыграть информационно-аналитический бюллетень по проблемам нераспространения *Ракеты и Космос*. Одни события уходят - им на смену приходят новые. Но смело можно утверждать: за последние 30 лет вопросы нераспространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, а также средств его доставки стали одним из центральных в международных отношениях. Полезным может оказаться освещение позиций и проблем нераспространения ракетных технологий применительно к странам СНГ, документам и информации в обобщенном виде по материалам СМИ России, Украины и Белоруссии, наряду с собственной эксклюзивной информацией участников проекта из этих стран.

Важно и то, что, наряду с проблемами нераспространения в информационно-аналитическом бюллетене, предусматриваются статьи и документы по проблеме противоракетной обороны как стратегической, так и нестратегической, сотрудничеству в сфере обмена данными от систем предупреждения о ракетном нападении.

Участие в проекте наряду с ПИР-Центром политических исследований (Россия), Центра исследования проблем нераспространения (Украина) и Монтерейского института международных исследований (США) позволит всесторонне излагать взгляды на проблемы по тематике информационно-аналитического бюллетеня. В целом бюллетень может быть полезным для политиков, экспертов и специалистов предприятий ракетной и космической отраслей.

генерал-полковник
Владимир Михтюк,
заместитель министра обороны Украины

Анализ

ГЕОПОЛИТИКА РАКЕТНОГО
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Дмитрий Евстафьев

Проблема нераспространения баллистических ракет исторически была *золушкой* в ряду считавшихся более важными проблем нераспространения различных видов оружия массового уничтожения (ОМУ) и, прежде всего, ядерного оружия. Именно на противодействие ядерному, равно как и химическому и бактериологическому, распространению были брошены основные политические и организационные усилия мирового сообщества. И в этих сферах при всех сложностях неоднозначности результатов усилий был достигнут наиболее очевидный успех и сформированы в целом работающие многосторонние режимы по контролю над вооружениями. Отчасти это объяснялось тем, что получение тем или иным государством, прежде всего, ядерного оружия качественно изменяло характер баланса сил (и в военном понимании этого феномена, и в политическом) и соответственно выгодный для сравнительно узкой группы великих держав геополитический статус-кво, тогда как развитие ракет и ракетных технологий считалось лишь дополнением к имеющимся конвенционным или неконвенционным возможностям того или иного государства. Появление у соответствующего государства баллистических ракет, конечно, усиливало и военный потенциал в целом, и потенциал проецирования силы, однако не меняло содержание военного потенциала качественно. К тому же вопрос о распространении ракет и ракетных технологий всегда содержал существенный коммерческий аспект, который во многом сковывал активность основных государств мира.

Сейчас уже очевидно, что в наступающую эпоху силовой многополярности вопрос о распространении ракет и ракетных технологий будет одним из основных элементов, который определит характер отношений ведущих мировых держав и развивающихся стран. Ибо именно этот вопрос определит пределы эскалации локальных конфликтов, число которых, по всей видимости, будет увеличиваться, а значит, и то, насколько такие конфликты будут создавать угрозу мировой стабильности.

Сегодняшний всплеск в ракетном распространении, инкубационную фазу которого, видимо, следует отнести к 1994-1995 годам, произошел на крайне своеобразном геополитическом фоне, который внешне не способствовал этим процессам:

Во-первых, данный период, а в еще большей степени, - 1991-1993 годы, характеризовался резким уси-

лением активности основных государств мира в реализации нераспространенческих установок, а также в попытках формирования региональных систем коллективной безопасности. Очевидно, что в этот период существовал значительный нераспространенческий оптимизм (который распространялся не только на сферу ракетного нераспространения, но и в целом на задачи противодействия распространению ОМУ и дестабилизирующих технологий), который основывался на консенсусе основных государств-поставщиков ракетной техники относительно необходимости количественного и, что самое важное, качественного ограничения своей активности.

Во-вторых, в какой-то мере в рассматриваемый период действовал фактор определенного дезавуирования военного значения ракетного потенциала, связанный с тем, что попытки Ирака использовать баллистические ракеты повышенной дальности как инструмент устрашения Израиля и как средство разрушения антииракской коалиции не увенчались успехом. Более того, оказавшись и политически, и тем более с военной точки зрения гораздо менее эффективными, чем это считалось, попытки применения ракет по территории Израиля выявили сравнительно низкое качество иракских образцов баллистических ракет. Эти попытки в целом подрывали доверие к ранее сравнительно распространенной концепции развития собственного ракетного потенциала на базе совершенствования закупленных в развитых странах образцов. А именно это было основным направлением ракетного распространения в восьмидесятые годы.

В-третьих, первая половина девяностых годов во многом в результате информации о ядерных и ракетных программах Ирака, полученных после войны в Персидском заливе, характеризовалась значительным ужесточением ограничений в сфере экспортного контроля. Это существенно ограничило возможность технологической *подпитки* потенциальных пролиферантов, а как минимум, усложнило

Дмитрий Евстафьев,

к.п.н., редактор информационно-аналитического бюллетеня *Ракеты и Космос*, старший научный сотрудник ПИР-Центра политических исследований в России.

доступ к новым технологическим решениям, за счет которых можно было бы радикально улучшить качественный уровень собственных баллистических ракет.

Однако, несмотря на эти позитивные факторы к началу XXI века, распространение ракет и ракетных технологий стало одним из наиболее важных вызовов международной безопасности, причем этот вызов реализуется на значительно более высоком технологическом уровне.

Таким образом, видимо, можно сформулировать вывод о том, что региональные центры силы, которые и спровоцировали сегодняшний всплеск процессов ракетного распространения, в какой-то мере предвос-

хитили затухание нераспространенческих усилий великих держав и возвращение системы международных отношений в силовое русло. Также можно говорить и о том, что вся история ракетного распространения показывает то, насколько важными оказываются коммерческие интересы поставщиков ракетной техники, в том числе и военного назначения. Середина девяностых годов показала, что одних только политических *пряников*, то есть политической поддержки жесткой позиции тех или иных стран по вопросам поставки компонентов ракетной техники, которые могут быть использованы в военных целях, совершенно недостаточно для надежного предотвращения процессов распространения ракет. Для этого нужно создание принципиально иной геозэкономической атмосферы. И в какой-то мере именно отсут-

РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ПАКИСТАНА

Военное ракетостроение рассматривается Исламабадом в качестве одного из приоритетов в обеспечении собственной безопасности. Этой отрасли создан *режим наибольшего благоприятствования*, поставлена задача ее развития форсированными темпами. Несмотря на то что при этом подчеркивается ее *национальный* характер, изначально она осуществлялась во многом на базе китайских и северокорейских технологий, прямых поставок из КНР в начале девяностых годов и заимствования НИОКР на Западе.

Основу пакистанского ракетного парка сегодня составляют оперативные тактические ракеты *Хатф-1*, *Хатф-1А* (китайские технологии, твердотопливные, дальность 80-100 км, боезаряд 500 кг) и *Хатф-2* (прототип - китайская ракета М-11, твердотопливная, дальность 280-300 км, боезаряд 500 кг). Это единственные типы ракет, запущенные в Пакистане в серийное производство и поставленные на боевое дежурство. Западные эксперты к *резерву первой очереди* относят также импортированные ранее и якобы складированные собственно китайские М-11 (боезаряд 800 кг).

Главную ставку в ракетной программе Исламабад в настоящее время делает на создание баллистических ракет средней дальности, которые, однако, пока не доведены до технологической готовности. БРСД *Шахин-1* (прототип - китайская М-9, твердотопливная, дальность 600-750 км, боезаряд 1000 кг), *Гхори-1* (прототип - северокорейская *Надон*, жидкотопливная, дальность 1500 км, боезаряд 500-750 кг), *Гхори-2* (прототип - северокорейская *Тэподон*, жидкотопливная, дальность 2000 км, боезаряд 700-1000 кг), прошли разовые испытания, но их серийное производство еще не начато.

Исследовательские лаборатории в Кахуте, разрабатывающие *Гхори*, и пакистанская Комиссия по атомной энергии, отвечающая за *Шахин*, испытывают серьезные трудности в связи с сужением возможностей технологической *подпитки* из внешних источников. Заявления руководителей лабораторий и Комиссии о полной готовности к испытаниям *Гхори-3* (жидкотопливная, дальность 2700 км, боезаряд 1000 кг) и *Шахин-2* (твердотопливная, дальность 2700 км, боезаряд 1000 кг) до сих пор остаются нереализованными.

Ключевая проблема для пакистанцев – минимизация ядерных устройств и создание компактных боезарядов. На данный момент имеющиеся у Исламабада *изделия* (20-25 единиц) произведены на основе обогащенного урана. По своим габаритам и весовым параметрам (более 1300 кг) они могут быть установлены не только на *Хатфы*, но также и на пакистанские БРСД. Фактически средствами их доставки могут служить лишь самолеты Ф-16, *Мираж-111/5*, *Су-130* (испытания с муляжами бомб проводились в начале девяностых годов).

В Исламабаде встревожены сложившейся ситуацией и предпринимают шаги с целью структурной перестройки и централизации ракетной отрасли, страдавшей от соперничества между кахунскими лабораториями и Комиссией по ядерной энергии. В марте 2001 года руководители этих организаций были сняты со своих должностей. В результате создано единое Управление ядерного регулирования, которое курирует все объекты и институты, связанные с ракетно-ядерными разработками.

Хотя в Пакистане создано ядерное командование (в структуре ВВС), ядерных сил, как таковых, пока не существует. Система *КЧ плюс Р* (ядерного командования, контроля, коммуникаций, компьютеризации и разведывательного обеспечения) находится в зачаточном состоянии.

Пакистану понадобится один-два года для создания компактных боезарядов и еще больший срок для создания легких плутониевых боеголовок. По некоторым данным, все больший упор сегодня пакистанцы делают именно на плутониевый проект.

Даже при условии успешного осуществления ракетно-ядерной программы, Пакистан не сможет рассматриваться как непосредственная угроза странам, расположенным за пределами южно-азиатского региона. Дальность новейших образцов *Шахин* и *Гхори* не превышает 2500-3000 км, поэтому приоритетной задачей международного сообщества в работе с Исламабадом в ракетно-ядерной области остается проблематика нераспространения и экспортного контроля.

ствие прогресса в формировании обещанного нового мирового экономического порядка, то есть полноценной экономической базы для новых политических процессов, обусловило то, что позитивные заделы в сфере ракетного нераспространения, в том числе и с точки зрения поведения поставщиков ракет и ракетных технологий, оказались к началу нового столетия реверсированы.

Экономический аспект проблемы тем более показателен, что производство собственной ракетной техники (если, конечно, не учитывать возможность точного производства боевых ракет для внутренних нужд, что пока не свойственно ни новым странам-пролиферантам, ни старым ракетным державам, которые после окончания *холодной войны* существенно сократили производство ракет) не имеет значительных последствий для экономической и социальной структуры государства по сравнению с другими частями высокотехнологической сферы, даже такими специфическими, как производство ядерного оружия. Вокруг производства ракетной техники, как показывает пример США, которые в большей степени, нежели СССР и тем более новые ракетные пролиферанты, смогли коммерциализировать свою ракетную программу, создается весьма ограниченный по масштабам и влиянию на остальную промыш-

ленность производственный цикл. Этот промышленный цикл, даже имея выход в гражданскую сферу экономики по количественным, да и по качественным характеристикам, не становится лидирующим даже в структуре военно-промышленных комплексов конкретных стран. К тому же потенциальный рынок сбыта ракетной продукции, несмотря на свою относительно высокую прибыльность, традиционно остается довольно узким, что связано в том числе и с политической чувствительностью поставок боевой техники в обход существующих соглашений по контролю над вооружениями. Но даже такого ограниченного потенциала геоэкономической привлекательности оказалось достаточно для того, чтобы подорвать и не разрушить консенсус великих держав по ракетному нераспространению.

В какой-то мере обострению проблем ракетного распространения способствовало то, что после окончания *холодной войны* в большинстве промышленно-развитых стран, обладавших значительным потенциалом ракетостроения, так и не произошло полноценной конверсии. В большинстве таких государств, включая и Соединенные Штаты Америки, сегменты ВПК, ориентированные на производство ракетной продукции военного назначения, остались хотя и количественно урезанными, но качественно нетрону-

РАКЕТНАЯ ПРОГРАММА ИРАНА

В соответствии с доктринальными установками руководства ИРИ создание в Иране ракетного потенциала призвано обеспечить исключительно оборонительные потребности страны в рамках принципа сдерживания. По имеющейся информации, иранская сторона исходит из того, что, в случае возможной агрессии против ИРИ или втягивания страны в конфликт, отражение ракетно-авиационных ударов противника было бы малоэффективным, так как нынешняя система ПВО не в состоянии в полной мере решить задачи прикрытия важнейших административных, промышленных и военных объектов. При этом в числе главных опасностей руководство ИРИ видит возможность осуществления силовых операций со стороны США и Израиля. Одновременно ставится задача добиться создания собственных ракетоносителей для вывода на околоземную орбиту космических спутников связи, в которых Иран сегодня остро нуждается.

Для достижения указанных целей в ИРИ разработана закрытая концепция национальной ракетной программы, суть которой заключается в наращивании ракетного потенциала с максимальным повышением боевых и технических возможностей ракет. Для реализации поставленных задач руководство ИРИ планирует привлечь весь научно-технический и производственный потенциал страны, государственные и частные организации, не отказываясь при этом от участия в данных проектах иностранных государств.

Рассматривая развитие своей ракетостроительной промышленности в качестве важнейшего компонента оборонной политики, направленной на укрепление потенциала сдерживания, Тегеран, с учетом имеющихся у него валютно-финансовых возможностей (ракетной программе отдается приоритет в финансировании), намерен сосредоточить усилия на следующих направлениях:

- создание собственной научно-промышленной базы;
- приобретение готовых систем (образцов) и технологий за рубежом;
- освоение технологий сборки ракет из комплектующих, поставленных зарубежными партнерами;
- подготовка национальных кадров в области ракетостроения;
- самостоятельное производство различных систем ракетного оружия на базе собственных НИОКР и зарубежных технологий.

Головными структурами, отвечающими за осуществление ракетной программы Ирана, являются подведомственные министерству обороны и поддержки вооруженных сил Организация авиакосмической промышленности и Организация оборонной промышленности ИРИ и действующие в их рамках военно-промышленные группы *Санам*, *Шахид Багери*, *Шахид Хеммат* и *Порчин*.

По имеющимся данным, в настоящее время на вооружении вооруженных сил Ирана, помимо тактических ракет *Зельзель*, *Назаат* и *Огаб* с дальностью полета до 120 км, находится незначительное число оперативно-тактических ракет *Шахаб-2*

тыми. Это создает значительные потенциальные или уже сформировавшиеся социальные проблемы, которые не только способствуют перетеканию специалистов - несмотря на существенные ограничения - в государства, активно стремящиеся к созданию собственного ракетного потенциала, но и подталкивают политическое руководство соответствующих стран к более агрессивному поведению на мировом рынке технологически насыщенной и потенциально дестабилизирующей продукции. В полной мере такая оценка может быть отнесена и к положению в российском ракетно-космическом комплексе, который после распада СССР находится в исключительно сложном состоянии. Вопрос не в том, что производители ракетной техники из числа великих держав стали вести себя менее сдержанно. Однако отношение к конкретным случаям подозрительных действий на мировом рынке ракет и ракетных технологий существенно изменилось, и они уже не вызывают консенсусной реакции, а главное, явно отсутствует системность в понимании и оценке новых явлений в мировой практике ракетного распространения. В результате потенциальные пролиферанты и экспортеры готовых ракетных комплексов и компонентов ракетных технологий получили возможность играть на противоречиях участников процесса нераспространения ракет.

Такое положение сформировалось по двум причинам: с одной стороны, на мировом рынке космических услуг и ракетных технологий гражданского назначения в течение большей части девяностых годов сохранялся весьма недемократический режим. Соединенные Штаты, опираясь на свое технологическое превосходство и ранее достигнутые успехи в коммерческом применении своего ракетного потенциала и ракетных технологий, по понятным экономическим и уже коммерческим причинам стремились закрепить свое доминирование на данном сегменте рынка. В результате в целом ряде случаев задачи нераспространения ракет и ракетных технологий использовались в качестве инструмента давления на другие государства, который имело целью решение прагматических коммерческих задач. Это во многом дискредитировало идею равного доступа государств мира к техническим и технологическим достижениям в сфере освоения космического пространства. Но наиболее опасным оказалось то, что была дискредитирована концепция честной конкуренции на рынке космических товаров и услуг, которая была принципиально важна для ряда государств, считающих возможным использование коммерческого потенциала этого рынка в качестве источника средств для конверсии военной части ракетно-космических комплексов. К тому же мировой рынок ракет и ракетных

дальностью до 700 км, созданных на базе *Scud-C*. Что касается баллистической ракеты средней дальности *Шахаб-3* (работает на жидком топливе, радиус действия - до 1050 км, по некоторым данным - до 1300 км, полезная нагрузка 1000 кг, создана на базе северокорейской ракеты *Надон-1*), вокруг испытания которой в июле 2000 года Израилем и США была поднята большая шумиха, то сейчас в Иране имеется лишь опытный образец данной ракеты, требующий серьезной доработки по целому ряду технических параметров, прежде всего, по управлению и точности наведения. Ракета *Шахаб-3Д*, заявленная иранцами как ракетоноситель для выведения космических спутников на околоземную орбиту (оборудована дополнительно пороховым ускорителем), была неудачно испытана в сентябре 2000 года. По оценкам экспертов, говорить о возможности их серийного производства и постановки на боевое дежурство, несмотря на соответствующие заявления отдельных иранских военачальников, пока преждевременно.

Для космических целей Иран также намеревается использовать ракеты *Шахаб-4* и *Шахаб-5* с дальностью полета в 1800 и 2500 км (а не 2000 и 5500 км как указывается в западных источниках), разработка которых находится на начальном этапе. Предполагается оснастить их твердотопливными двигателями.

По нашим оценкам, ракетная программа Ирана, вопреки утверждениям ряда американских экспертов, не нацелена на создание межконтинентальных баллистических ракет. Даже если у Ирана и были бы подобные планы, то реальными научно-техническими возможностями для этого он не располагает и какого-то радикального прорыва в области иранских ракетных НИОКР в ближайшей перспективе не ожидается. Кроме того, ориентированность иранцев на устаревшие ракетные технологии типа *Scud*, *Надон*, *Тэподон* и отсутствие у них возможности получить современные зарубежные разработки являются факторами, тормозящими развитие иранской ракетной программы. Серьезных собственных технологий и каких-либо заметных достижений за счет внутренних ресурсов иранцы пока не имеют. Поэтому, даже с очень большой натяжкой, вряд ли правомерно говорить о наличии сейчас реальной ракетной угрозы со стороны Ирана в отношении Израиля, а тем более США.

Иран активно участвует в поиске путей реализации идеи о создании Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, ведет достаточно серьезный и предметный диалог по проблемам нераспространения, в том числе ракетного, с целым рядом государств, включая западноевропейские. Продолжая критиковать режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) за элитарность, Тегеран вместе с тем проявляет большую, чем прежде, готовность к диалогу с ними.

Принятая по инициативе Ирана резолюция Генассамблеи ООН «Ракеты» предусматривает создание в 2001 году группы правительственных экспертов при генсекретаре ООН для подготовки доклада по вопросу о ракетах во всех его аспектах, который предполагается рассмотреть в ходе 56-й сессии Генеральной Ассамблеи осенью 2001 года. Одновременно иранцы решительно отрицают, что работа указанной группы экспертов будет использована против РКРТ.

технологий отличается многоуровневостью как по критериям качества и стоимости, так и с точки зрения конкретных военно-политических задач, под которые приобретаются готовые ракеты и ракетные технологии. Таким образом, потенциальные поставщики и покупатели могут выбирать и формы, и методы встраивания в объективно существующий сегмент мирового рынка, хотя поставки ракетной техники и ракетной технологии будут оставаться политически рискованным видом внешнеэкономической деятельности.

С другой стороны, главная проблема заключается в том, что в мире существует хотя и ограниченный, но стабильный и, что самое главное, платежеспособный спрос на боевые ракеты, который порождается не только и не столько геополитическими амбициями государств и конкретных лидеров, сколько реальными дивидендами, которые может принести обладание собственным ракетным потенциалом. Надо признать, что для большинства покупателей боевых ракет и военных ракетных технологий вопросы участия в освоении космического простран-

РАКЕТНАЯ ПРОГРАММА ЮЖНОЙ КОРЕИ

На подходы Республики Корея к развитию ракетной программы определяющее влияние оказывает сохраняющаяся военная конфронтация с КНДР. Военно-политическое руководство Южной Кореи рассматривает наличие у Пхеньяна средств дальнего огневого поражения, в первую очередь боевых ракетных комплексов оперативно-тактического назначения, в качестве серьезной угрозы национальной безопасности своей страны.

В настоящее время на вооружении Вооруженных сил Республики Корея находится около 12 пусковых установок оперативных тактических ракет типов *Найк-КМ* и *Хемму* (дальность стрельбы последних до 180 км) и устаревшие тактические ракеты *Onest John* американского производства (не оснащены системами управления, дальность стрельбы 38 км). Однако в связи со снятием в январе 2001 года ограничений на разработку, производство и развертывание ракетной техники в параметрах дальности до 300 км с массой головной части до 500 кг, Сеул планирует закупить в США партии ОТР *Atacms* с дальностью стрельбы до 300 км.

Каких-либо специальных концепций боевого применения ракетного оружия в Вооруженных силах Республики Корея в настоящее время не имеется, так как они не выделены в самостоятельный род войск. Все ракетные силы и средства включены в состав общевойсковых объединений и подчинены соответствующим командирам. Применение ракетного оружия в ходе вооруженного конфликта предполагается в целях поражения объектов в глубоком тылу противника в рамках операций сухопутных войск.

Что касается возможностей Республики Корея по разработке и производству собственно ракет, то уровень развития аэрокосмической промышленности Южной Кореи пока еще весьма невысок. В национальную программу космического развития включена задача по созданию в 2002 году трехступенчатого ракетного зонда (KSR-3) на жидком топливе, способного достичь высоты в 900 км с полезным грузом до 150 кг. В 2005 году планируется разработать ракеты, способные выводить на низкую орбиту спутники весом около 100 кг. В период 2006-2015 годы предполагается создание собственных, более мощных ракет-носителей, которые могли бы выводить на геоцентрические орбиты тяжелые многофункциональные спутники, а также спутники связи.

Очевидно, что заимствованием иностранного опыта в организации разработки ракет, технологий, соответствующего оборудования, а также комплектующих Южная Корея в ближайшие годы вряд ли сможет выдвинуться в число стран, ракетные технологии которых по своим параметрам выходили бы за ограничения, налагаемые РКРТ.

Более того, Сеул объективно не заинтересован в подключении к американским планам создания и развертывания национальной ПРО и ПРО театра военных действий в Северо-Восточной Азии. Аргументация, используемая южнокорейскими противниками этих систем (в правительственных, парламентских и общественных кругах), в обобщенном виде сводится к следующему:

- многие южнокорейские эксперты признают надуманность тезиса о *северокорейской военной угрозе*, усматривая реальную опасность главным образом со стороны обычных видов вооружения КНДР, сосредоточенных в районе демилитаризованной зоны, в непосредственной близости от Сеула и других крупных городов Республики Корея. В этой связи собственные ракетные комплексы рассматриваются в Южной Корее лишь как оружие для общевойсковых операций, призванное обеспечить безопасность страны без увязки с системой ПРО ТВД;
- в Республике Корея выражают серьезные сомнения в технической возможности практической реализации систем НПРО и ПРО ТВД. Кроме того, высказываются опасения в связи с чрезмерными финансовыми издержками Южной Кореи в случае участия в этих проектах;
- южнокорейские политики нередко открыто заявляют, что планы США связаны не с противодействием КНДР, а с задачами нейтрализации стратегического потенциала сдерживания России и Китая и достижением *стратегической неуязвимости*. В этой связи высказываются предположения о том, что ответные адекватные шаги со стороны Москвы и Пекина могут привести к росту напряженности на Корейском полуострове и сорвать наметившийся прогресс межкорейского сближения.

ства стоят не на первом месте, если вообще находятся в повестке дня. Равно как и большинство поставщиков ракетной техники, - в особенности это касается уже сложившихся и только формирующихся поставщиков из числа развивающихся стран - не ставят своей задачей решение таких проблем и даже в перспективе не рассматривают, вопреки некоторым публичным заявлениям, в качестве национального приоритета задачу освоения космоса. Платежеспособный спрос на военную ракетную продукцию обуславливается, в конечном счете, фактическим провалом большинства проектов по созданию системы коллективной безопасности, который, во многом, объясняется и тем, что США, будучи одним из главных регуляторов таких проектов, не проявили себя как нейтральный посредник и в той или иной степени выступили как союзник одной из сторон конфликтной ситуации. Это естественным образом формирует спрос на такие виды вооружения и военной техники, которые бы давали возможность до известной степени гарантировать себе более благоприятное место в процессе формирования региональных систем безопасности, которое сопровождается, как показывает опыт минувшего тысячелетия, классической геополитической торговлей и взаимным разменом факторов силы и точек уязвимости.

Таким образом, мы приходим к заключению о том, что нынешний всплеск ракетного распространения является одним из продуктов периода силовой монополярности, которой характеризовались девяностые годы. Однако в целом политический и военно-политический спрос на ракетное распространение носит несколько более сложный характер.

Как и распространение ОМУ, распространение боевых ракет и ракетных технологий имеет существенный геополитический смысл. Главным образом он заключается в том, что, успешно реализовав программу создания собственных баллистических ракет значительной (свыше 300 км) дальности, то или иное государство получает возможность оказывать прямое влияние на развитие событий не только в сопредельных регионах и не только в своем регионе, но и - с учетом географической сжатости большинства естественно сформировавшихся регионов - в соседних регионах. Таким образом, это государство относительно легко и дешево может повысить свой региональный и внерегиональный статус (особенно в сравнении с задачами экономического реформирования и расширения доступа товаров на региональные и глобальные рынки, решение которых в случае с развивающимися странами, как правило, затруднено наличием целого ряда существенных ограничений внеэкономического характера) и уже на этой базе строить свою дальнейшую политику и в отношениях с другими странами региона, и в отношениях с США, и с ведущими странами мира. И возможности трансрегионального влияния на военно-политическую об-

становку являются серьезным подспорьем в отношениях, особенно с внерегиональными силами. Это способствует формированию - и уже сформировало, как минимум, в двух случаях: в Южной Азии и на Корейском полуострове - ситуацию многослойных отношений в ракетной области, когда преимущественно военно-политические отношения двух противостоящих государств (Индии и Пакистана, КНДР и Республики Корея соответственно) дополняются отношениями между ними и ведущими экономическими и политическими государствами мира, в которых ракетно-космические отношения встроены в более широкий круг вопросов экономического и политического характера.

Потребность в боевых ракетах и ракетных технологиях усиливается еще и эффектом американской политики расширенного глобализма, которую проводило военно-политическое руководство США в последнее десятилетие. Уже вскоре после окончания войны в Персидском заливе 1990-1991 годов появились многочисленные заявления военных лидеров развивающихся стран относительно стратегии предотвращения возможного разгрома в будущем конфликте, подобного тому, которому был подвергнут Ирак. Имелись даже высказывания официальных лиц о бесперспективности конфронтации с США без наличия у того или иного государства ядерного оружия. Однако такой вариант исключения США из региональных балансов сил является слишком затратным с экономической и политической точек зрения. Открытое и даже туманное декларирование наличия у себя ядерных возможностей могут позволить себе только относительно экономически самодостаточные страны (какими, в сущности, при всех экономических и политических различиях являются Индия и Северная Корея). А государства, находящиеся на среднем уровне экономического развития и не обладающие диверсифицированной системой внешних связей, рискуют попасть в ситуацию почти полной международной изоляции, как это случилось с Пакистаном. Формирование же ракетного потенциала оказывается куда более выгодным, однако оно на деле воспринимается как менее геополитически опасное явление и не детерминирует инвариантно какого-то жесткого ответа со стороны основных держав. К тому же получение ракетного потенциала дает - при условии решения ряда технических вопросов - возможность наносить удары по объектам противостоящей коалиции на территории сопредельных регионов. Потребность в таком потенциале была ярко продемонстрирована в ходе войны НАТО в Косово, когда многие объекты базирования сил Североатлантического союза находились вне зоны досягаемости вооруженных сил Югославии, например в Италии и Турции. При наличии у Югославии потенциала баллистических ракет с дальностью 550-700 и тем более - 1000 км, США и их союзники были бы более осторожными в ходе проведения операции. И поддержание единства коалиции потребо-

вало бы от США принципиально больших организационных и материальных усилий.

Причем решение США по развертыванию национальной системы противоракетной обороны не будет иметь для этой системы отношений, в конечном счете, принципиального эффекта. Ибо создание в развивающихся странах (даже в такой, как относительно близко расположенная к США КНДР) межконтинентальных баллистических ракет, способных достигать территории США, является весьма отдаленной перспективой. Напротив, с учетом того, что развернуть ракетный *зонтик* над всеми своими союзниками, США не смогут по объективным экономическим соображениям, форсирование вопроса о национальной и даже о более широкой - евроатлантической ПРО простимулирует в растущих региональных центрах силы интерес к получению боев ракет оперативно-тактической дальности.

К тому же очевидно, что реализация собственных ракетных программ таит в себе большие возможности размена их на экономические дивиденды. Конечно, пока рано говорить о том, что в сфере ракетных технологий может быть реализована стратегия, подобной той, с которой выступала КНДР в процессе размена отказа от продолжения своей военно-прикладной ядерной программы (которая, вполне возможно, была имитационной) на внешнюю экономическую помощь в совершенствовании энергетического потенциала, а также содействие в гуманитарной области. Это во многом связано именно с высокой приоритетностью проблем ядерного нераспространения и относительно низкой - ракетного. Однако со временем к такому поведению может быть проявлен действительно большой интерес, который стимулирует массовое возникновение имитационных ядерных программ. Эти программы, однако, будучи инициированы без явной цели создания реального военного потенциала, могут все же существенно подорвать международную стабильность, поскольку создадут в проблемных регионах обстановку нестабильности, которая будет стимулировать симметричные или асимметричные процессы в других сферах гонки вооружений.

Надо, однако, отметить и то, что главное качественное изменение в характере ситуации в сфере распространения боевых ракет заключается в том, что на нынешнем этапе рассматриваемые процессы уже не могут быть сдерживаемы только за счет усилий по экспортному контролю. В ряде государств, являющихся новыми производителями и экспортерами боевых ракет и ракетных технологий, уже накоплена достаточная технологическая инерция, которая даст возможность определенное время - до 10 лет - развиваться в рамках сегодняшнего технологического уровня и без значительной внешней подпитки. Ко-

нечно, для перехода процессов ракетного распространения на новый качественный уровень этого будет недостаточно, однако, в случае с новыми производителями и экспортерами баллистических ракет, это не является безусловным приоритетом. Напротив, попытка ужесточения ведущими промышленными державами режима доступа других стран к рынку космических услуг и ракет (в том числе и военного назначения, но допускаемых к поставкам существующими международными соглашениями) будет только на руку новым поставщикам. Ужесточение режима только повысит геополитическую и экономическую ценность предоставляемых ими услуг, на которые, как уже говорилось, в силу ряда объективных причин, имеется ярко выраженный платежеспособный спрос.

В заключение необходимо остановиться на возможных направлениях политики по предотвращению дальнейшего горизонтального и вертикального распространения ракет и ракетных технологий. *Во-первых*, необходимо исходить из того, что решение проблем, возникших на новом цикле развития процессов ракетного распространения, невозможно только за счет концентрации усилий на этом одном направлении. Как показано предшествующим анализом, стимулы к ракетному распространению носят комплексный характер и должны быть нейтрализованы только комплексно. Попытка акцентировать только одну из сторон вопроса, например экспортный контроль или *устрашение потенциальных пролиферантов* (а ранее бытовавшая в США концепция контрраспространения является, по сути, одной из форм *устрашения*), не приведет к принципиальному улучшению ситуации. *Во-вторых*, в международных усилиях по ракетному нераспространению с учетом того, что коммерческий элемент в этой сфере все же существует, требуется всячески соблюдать коллективность и кооперативность усилий. В противном случае легитимность продвигаемых решений будет постоянно подвергаться сомнению и с политической, и с экономической точек зрения как на уровне отдельных государств, так и на уровне целых международных объединений. И с этой точки зрения существенным недостатком системы противодействия ракетному распространению является отсутствие должного уровня политической институционализации. *В-третьих*, успешность усилий в сфере ракетного нераспространения в значительной степени зависит от способности того или иного государства сформулировать свою национальную политику и обеспечить легитимную трансформацию геополитических приоритетов в конкретные юридические установки внутриполитического и внутриэкономического характера. Это в значительной мере касается и России, проблемы которой в сфере ракетного распространения зачастую произрастали из неспособности добиться выполнения собственного законодательства. ■

В ПИР-Центре

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАКЕТ И РАКЕТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Заседание Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра

16 апреля 2001 года в Москве ПИР-Центр провел очередное заседание Экспертно-консультативного совета на тему: «Распространение ракет и ракетных технологий: угрозы безопасности России». С докладами на совете выступили Ребекка Джонсон - директор Института Акроним (Великобритания, Лондон) и Виталий Лукьянцев - старший советник департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России.

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ РАКЕТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Ребекка Джонсон

Планы создания противоракетной обороны, столь дорогие сердцу некоторых республиканцев, могут пойти гораздо дальше программы президента Клинтона, предусматривавшей развертывание дополнительно числа перехватчиков наземного базирования. Могут они выйти и за рамки концепции Ричарда Перла, который говорил о перехватчиках морского и воздушного базирования. Некоторые деятели Республиканской партии поговаривают о возврате к *Стратегической оборонной инициативе* Рональда Рейгана, включая создание возможностей перехвата с помощью размещенных в космосе лазеров, другого оружия, основанного на принципах направленного энергетического воздействия, и в перспективе средств, чье действие основано на использовании кинетической энергии.

Много уже было написано о ракетном потенциале тех стран, которые в США были названы *государствами, вызывающими озабоченность*, или, как теперь снова принято, *государствами-изгоями*, а именно Северной Кореи, Ирака и Ирана. Много известно и о современном состоянии ракетного арсенала пяти официальных ядерных государств, а также Израиля, Индии и Пакистана. Сегодня я хотела бы взглянуть на проблему ракетного распространения несколько шире, попытаться определить дестабилизирующие последствия военных *ответов* (в частности ПРО) на возникающие ракетные угрозы. В особенности я хотела бы заострить внимание на той опасности, которая может возникнуть, если в ответ на распространение ракетных технологий США ускорят темпы милитаризации космического пространства и попытаются

разместить там оружие для перехвата в космосе и из космоса.

История вопроса

Когда Космическое командование США опубликовало в 1997 году доклад «Видение 2020», ободряющие голоса в администрации Клинтона и среди американских военных заверили, что идеи, изложенные в этом документе, были лишь экспериментальной разработкой прогнозов на будущее. Некоторые фразы, например «Космическое командование США отвечает за космическое измерение военных операций по защите интересов и инвестиций США» или «интегрирование космических сил и придание им возможностей для ведения военных действий по всему спектру конфликта», были названы тогда *рекламными преувеличениями*, поскольку небольшое и сиротливо оставленное на произвол судьбы ведомство вынуждено было привлекать финансовые ресурсы для поддержки своих программ. Теми, кто находился тогда у власти, все эти высказывания не были восприняты всерьез. После победы Джорджа Буша-младшего и назначения Дональда Рамсфелда министром обороны меньшинство в Космическом командовании США, вынашивавшее планы установления военного контроля Вашингтона над космическим пространством, может оказаться в фаворе. Г-н Рамсфелд был председателем комиссии, чей доклад в январе 2001 года во многом напоминал «Видение

Ребекка Джонсон,
исполнительный директор Института
Акроним, Великобритания, Лондон.

2020», хотя и был написан более спокойным языком. К этим планам нужно отнестись серьезно, пока еще не поздно. Существует два очень важных вопроса в сфере международной безопасности, которые постепенно выходят на первый план и требуют превентивных действий. Развертывание национальной ПРО и милитаризация космоса могут оказать значительное влияние на международную безопасность и окончательно похоронить надежды на то, что ядерные государства продолжают процесс разоружения. Работа Конференции по разоружению в Женеве сегодня зашла в тупик; трудно ожидать скорого начала переговоров по предотвращению гонки вооружений в космосе. Поэтому в настоящей работе рассматриваются возможности проведения многосторонних переговоров по выработке соглашения о предотвращении войны в космосе, регулировании мирного и коммерческого использования космического пространства и обеспечении *неприкосновенности космоса*, создании своего рода *охраняемой заповедной космической зоны*.

Риски

В восьмидесятые годы была опубликована серия статей, предлагающих меры контроля над противоспутниковым оружием, но ничего так и не произошло. В современных планах США по развертыванию НПРО подчеркивается зависимость систем связи и слежения от наличия космических средств. Авторы некоторых сценариев идут еще дальше и говорят о размещении на спутниках систем нацеливания, а также оружия энергии направленного действия и кинетической энергии. В докладе «Совместное видение 2010» Космического командования США содержатся призывы «к доминированию по всему спектру» и утверждается, что «космическое пространство - это четвертая природная среда для ведения военных действий, помимо суши, моря и воздушного пространства».

Доклад «Видение 2020» проводит аналогии с ростом морской мощи Европы в XVI веке для защиты коммерческих интересов. В документе, представляющем собой скорее набор рисунков и лозунгов, нежели серьезный доклад, говорится о возросшей зависимости «торговых, гражданских, международных и военных интересов и инвестиций» от космического потенциала, что может привести к *большей уязвимости*. «Поскольку космические системы становятся привлекательными военными целями, возникает необходимость контролировать космическое пространство для обеспечения превосходства США на будущих полях сражений». Космическое командование отводит себе *скрамную* роль: «Космическое командование США отвечает за космическое измерение военных операций по защите интересов и инвестиций США [...], интегрирование космических сил и придание им возможностей для ведения военных действий по всему спектру конфликта». Для решения этих задач предусматриваются четыре оперативных плана: контроль над

космическим пространством; глобальное вмешательство; полная интеграция сил и средств; развитие глобального партнерства¹.

В статьях, разъясняющих взгляды Космического командования, его руководитель генерал Джозеф Эши упомянул о «поражении наземных целей из космоса. Мы сможем поражать цели в космосе и из космоса»². Космическому командованию необходимы ресурсы для выполнения четырех основных задач:

- космическое обеспечение - запуск и управление космическими аппаратами;
- усиление наземных сил с помощью космических возможностей - информационное и иное обеспечение из космоса, в частности навигационные и метеорологические данные, связь и предупреждения о пусках ракет;
- контроль над космическим пространством или превосходство в космосе;
- применение космических сил - использование средств вооруженной борьбы из космоса для поражения наземных целей.

Г-н Эши пояснил, что США осуществляют программы создания оружия энергии направленного действия и высокоточного оружия, поскольку «мы собираемся вести войну в космосе. Мы собираемся наносить удары из космоса и воевать в космическом пространстве».

В январе 2001 года Комиссия по оценке космической деятельности США в целях национальной безопасности, возглавлявшаяся Дональдом Рамсфельдом (еще до того, как он стал министром обороны), рекомендовала сделать национальную космическую политику США центральным элементом оборонного планирования. Для этого она требовала провести скорейший пересмотр приоритетов этой политики³. Комиссия, в состав которой входил и генерал Хауэлл Эстес, главный архитектор «Видения 2020», сформулировала свои выводы в более мягкой форме, чем вышеупомянутый доклад, и отметила, что в интересах США способствовать мирному использованию космического пространства. Тем не менее комиссия сделала вывод, что интересы в космосе должны рассматриваться в качестве главного приоритета в области национальной безопасности. США же, согласно докладу, должны обеспечить постоянное превосходство в космосе, дабы «обеспечивать сдерживание и защиту от враждебных действий в космосе и из космоса», включая «использование космического пространства во вред интересам США» (с.7-10). В документе также указывается на необходимость объединения столь «беспрецедентной космической деятельности» в рамках модернизированной командной структуры. Кроме того, министр обороны должен тесно сотрудничать с директором ЦРУ, а правительство должно обеспечить постоянные капиталовложения в науку и развитие пе-

редовых технологий, дабы поддерживать доминирование США в космосе.

Хотя и признается, что вопросы милитаризации космического пространства являются крайне щекотливыми, комиссия рекомендует правительству США создать необходимый потенциал, дабы «президент имел возможность разместить оружие в космосе для сдерживания угроз и в случае необходимости для отражения нападения на США» (с.12).

Говоря об опасности повторения истории Перл-Харбора в космосе, комиссия утверждает, что военный потенциал США должен быть трансформирован, чтобы обеспечить:

- гарантированный доступ к операциям в космическом пространстве и на орбите;
- владение ситуацией в космосе;
- наблюдение за Землей из космоса;
- глобальную структуру командования, управления и связи в космосе;
- оборону в космосе;
- оборону территории США;
- проецирование силы из космоса и в космосе (с.16).

Если придерживаться Договора 1967 о запрещении размещения в космосе оружия массового уничтожения, могут существовать два вида космических вооружений: оружие кинетической энергии, поражающее мишень через столкновение с ней на большой скорости (могут использоваться и химические взрывчатые вещества); оружие энергии направленного действия, разрушающее цель через фокусирование энергетических лучей, имеющих скорость света⁴.

Дабы обеспечить боеспособность вооруженных сил, рекомендуется проводить испытания и маневры, включая огневые учения. Комиссия призывает к усилению возможностей разведки, инвестированию средств в обеспечение технологического лидерства США, подготовке личного состава космических сил, реструктуризации системы принятия решений с целью придания первоочередной значимости вопросам национальной безопасности, связанным с космическим пространством, под разумным руководством президента США. Кроме того, США должны активно участвовать в создании правового поля для космической деятельности. При этом Вашингтон «должен осторожно относиться к соглашениям, направленным на решение таких задач, которые, в сочетании с широким спектром прочих договоров и правил, могут непреднамеренно привести к ограничению будущей деятельности».

Альтернативные концепции в США

Комиссия Рамсфельда отметила, что в июле 2000 года агентство Синьхуа сообщило о разработке Китая

способов и стратегии для поражения армии США в высокотехнологичной войне будущего, которая затронет и космическое пространство. Для г-на Рамсфельда это было намеком на уязвимость США, оправдывающим планы Вашингтона по усилению военного потенциала в космосе. Подполковник американских ВВС Брюс Деблуга пришел к противоположному выводу. Он выступает против предположений о том, что «космическое пространство будет милитаризовано; нам нужно лишь решить, возьмут ли США на себя функции лидера». Признавая преимущества статуса пионера в военном освоении космического пространства, Деблуга вопрошает, насколько оптимальной будет такая стратегия⁵. Он защищает идею космического *заповедника*, напоминая о дестабилизирующих последствиях милитаризации космоса, о начале нового витка высокотехнологичной гонки вооружений и новой погоне за гарантиями взаимного уничтожения. По мнению эксперта, США больше потеряют, нежели приобретут от такого развития событий. Брюс Деблуга использует некоторые из тех аргументов, которые приводило и Космическое командование США, упоминая о зависимости от космоса разведки, связи, систем слежения и навигации, коммерческих интересов, деятельности по сбору военной и коммерческой информации. В то время, как комиссия Рамсфельда утверждала, что подобную уязвимость можно нейтрализовать с помощью ускоренного развития военного космического потенциала, г-н Деблуга предлагает три вполне жизнеспособных стратегии защиты средств космического базирования. Это «дипломатическая и политическая защита (соглашения, направленные на создание системы коллективной безопасности); пассивная защита (маскировка); и активная защита (оружие)». Г-н Деблуга рекомендует совместить первый и второй варианты и постараться всячески избежать третьего (с.12). Будучи военным экспертом, Брюс Деблуга указывает ряд причин военного характера, по которым не следует допускать милитаризации космического пространства. Он говорит о высокой стоимости этой стратегии, ее провокационном характере и способности привести к эскалации напряженности. Кроме того, по его мнению, планы Рамсфельда обречены на провал по политическим и военным соображениям, в них утверждается некий мнимый *центр уязвимости*, хотя проблемы уязвимости могут быть решены и с помощью других методов. К тому же первоначальные преимущества будут в скором времени сведены на нет усилиями других держав по созданию собственного космического оружия; менее крупные страны могут защитить себя с помощью асимметричного ответа (с.18-19).

Сохраняющиеся озабоченности

С появлением американских планов ПРО от этого оптимизма приходится постепенно отходить. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН относительно предост-

ращения гонки вооружений в космосе вызвала значительный интерес и была поддержана большим числом голосов. В декабре 2000 года Шри-Ланка выдвинула проект резолюции Генеральной Ассамблеи 55/32, который поддержали некоторые неприсоединившиеся государства, Россия и Китай. В документе говорится о необходимости консолидировать и укрепить режим контроля над космическим пространством. Резолюция призывает страны, имеющие существенный космический потенциал, воздерживаться от действий, идущих вразрез с принципами мирного использования космического пространства. За это решение проголосовали 163 государства, и не было ни единого голоса против. США, Израиль и Микронезия воздержались.

Предложения для переговоров по предотвращению гонки вооружений в космосе

Конференция по разоружению не обращалась к этому вопросу более шести лет. На сегодняшний день проблемы предотвращения гонки вооружений в космосе блокируют начало переговоров о запрещении производства оружейных расщепляющихся материалов. Китай настаивает на том, чтобы эти два вопроса имели равный статус, то есть переговоры шли по обоим направлениям. Эта позиция является главной причиной тупика, в который зашла Конференция по разоружению. Или, если посмотреть на это с другой стороны, основным препятствием является нежелание Вашингтона позволить Конференции по разоружению заняться по существу проблемами космического пространства. США хотели бы начала переговоров по запрещению производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ), но согласны лишь на создание вспомогательного органа для обсуждения вопросов, связанных с ведением переговоров по предотвращению гонки вооружений в космосе. А, учитывая позицию нынешней администрации, даже в этом нельзя быть уверенным.

У Китая имеются определенные опасения, касающиеся обеспечения собственной национальной безопасности, но Пекин также открыто выражает озабоченность тем, что США могут реализовать серию *прогрессирующих* и всеобъемлющих программ ПРО в космическом пространстве - не только для слежения и ведения разведки, но и для нацеливания, размещения в космосе перехватчиков и вооружений. И Китай - это не единственная страна, озабоченная тем, что создание ПРО может привести к милитаризации космоса и прямому размещению там оружия.

На недавней встрече в рамках ООН я предложила параллельный подход к проведению переговоров по существу проблемы (как в отношении ЗПРМ, так и в отношении космического пространства). Учитывая политическую реальность (то есть понимая, что вопросам предотвращения гонки вооружений в космо-

се вряд ли будет уделено достойное внимание, не говоря уже о переговорах в Женеве в ближайшем будущем), группа стран, заинтересованных в сохранении мирного космоса⁶, должна взять инициативу в свои руки. Им необходимо организовать и провести конференцию по этой проблематике где-нибудь в другом месте, поставив при этом вопрос о подготовке и последующей разработке Договора о неприкосновенности космического пространства.

Хорошим примером, хотя и не до конца схожим, является Договор об Антарктике 1959 года, согласно которому территория этого шестого континента может быть использована лишь в мирных целях. Поскольку какая-то военная деятельность уже ведется в космосе, было бы важно согласовать четкие определения и параметры такой разрешенной и регулируемой деятельности, ясно указав, какие мероприятия подлежат запрещению. На переговорах должны быть обсуждены, по крайней мере, три основных блока:

во-первых, расширение и укрепление положений Договора 1967 года, устанавливающих запрет на ОМУ в космосе. Этот запрет должен быть распространен на все виды вооружений, дабы поставить заслон попыткам Космического командования США использовать лазеры, оружие энергии направленного действия, оружие кинетической энергии и другие потенциальные технологические разработки;

во-вторых, запрещение производства, испытаний и развертывания противоспутникового оружия, независимо от того, базируются ли они на Земле или в космосе;

в-третьих, создание кодекса правил, регулирующих мирное и неагрессивное использование космического пространства.

Эти предложения не новы. Много инициатив было уже выдвинуто в рамках этих трех блоков. В 1983 году Советский Союз предложил проект договора, запрещающего обладание, использование и испытание противоспутникового оружия. Проекты договоров предлагались, и о них забывали. Россия и США взяли на себя добровольные ограничения в отношении противоспутникового оружия. Конференция по разоружению предложила «правила космического движения» - проект кодекса правил, включающих формальный отказ от действий, способных создать помехи работе гражданских и военных космических объектов. Новым является растущая актуальность данных проблем и расширение круга международных акторов (включая коммерческие и военные круги), заинтересованных в предотвращении милитаризации космоса.

Страны и отдельные отрасли, имеющие серьезные коммерческие интересы в области телекоммуникаций и навигации, включая мощное лобби в самих Соединенных Штатах, заинтересованы в сохранении

мирного космоса. Менее всего им нужны доступные для всех противоспутниковое оружие и технологии. Но это может произойти, если США будет использовать свои спутники для размещения на них систем наведения или оружия энергии направленного действия. В данном случае стоило бы взять на вооружение стратегию кампании по запрещению противопехотных мин, причем по двум причинам. *Во-первых*, вопросы предотвращения гонки вооружений в космосе ушли бы с Конференции по разоружению и не блокировали бы более переговорный процесс. *Во-вторых*, меры по предотвращению милитаризации космоса были бы предприняты раньше, а не позже.

Неизбежно, что США (и, возможно, другие страны) будут возражать и попытаются сначала не допустить переговоров, а затем отстраниться от участия в любых соглашениях, которые могут быть разработаны. Но, по мере того как переговорный процесс будет набирать ход, я считаю, станет возможным создать мощные коалиции не только среди значительной группы государств, но и среди гражданского общества, крупных коммерческих предприятий и даже среди военных, для которых связь является *ахиллесовой пятой* высокоинтеллектуального оружия. Хотя хочу оговориться, что у меня и в мыслях не было попытки создать в космосе прибежище для высокоточного оружия!

Не стоит недооценивать трудности. Но и возникающие препятствия не должны заставить нас опустить руки и ничего не предпринимать. Космическое пространство уже достаточно милитаризовано: системы космической разведки и слежения обеспечивали проведение военных операций с начала шестидесятых годов и вплоть до бомбардировок Югославии странами НАТО в 1999 году⁷. В то же время, этот космический потенциал составляет важную основу систем проверки и мониторинга, предусмотренных соглашениями о контроле над вооружениями. В некотором смысле можно говорить о размывании концепции мирного использования космического пространства, хотя все понимают, что речь идет о *неагрессивном использовании*. Будут и другие проблемы с терминами, которые предстоит обсудить на переговорах. Например, где проходит граница между воздушным пространством и космическим пространством? Что такое оружие, космический объект или компонент оружейной конструкции? Что мы понимаем под термином *испытания*? И т.д., и т.п.⁸

Заключение

Управление технологических оценок аппарата Конгресса США отмечало, что «существует прочная взаимосвязь между противоспутниковыми технологиями и технологиями ПРО. Поэтому технические, политические и дипломатические действия, предпринимаемые в одной сфере, практически наверняка затро-

нут и другую»⁹. Поэтому неудивительно, что растущий интерес международного сообщества к поиску коллективных методов предотвращения милитаризации космического пространства подогревается американскими планами развертывания ПРО и неясностью в отношении намерений администрации Буша (непонятно, насколько далеко готов зайти Вашингтон). Последние высказывания министра обороны США Дональда Рамсфельда дают понять, что Америке необходимо развертывание вооружений в космосе для защиты там своих военных и коммерческих объектов, а также для контроля из космоса за деятельностью на Земле. Мы утверждаем, что попытки установления военного превосходства в космическом пространстве приведут к ответной реакции, которая может выразиться в новом витке гонки вооружений, что, в свою очередь, повысит уязвимость важной космической инфраструктуры, которая задействована в сфере бизнеса, телекоммуникаций, разведки и для проверки выполнения соглашений. Уже сегодня как можно большему числу государств необходимо принять меры по подготовке и проведению переговоров по заключению соглашения о предотвращении войны в космическом пространстве, сохранении его неприкосновенности и использовании в неагрессивных целях. ■

¹ *United States Space Command, Vision for 2020*, 1997, February

² Scott William B. USSC Prepares for Future Combat Missions in Space. *Aviation Week & Space Technology*, August 5 1996

³ См. Report of the Commission to Assess United States National Security Space Management and Organisation, Washington DC (Public Law 106-65), January 11 2001

⁴ Дискуссия о типах космических вооружений отражена: в Jasani Bhupendra. *Emerging Technologies. Disarmament*, №2, vol. 10, 1987

⁵ Lt. Col. Deblois Bruce M. *Space Sanctuary: a Viable National Strategy*, (1997).

См. www.airpower.maxwell.af.mil/airchronical.../debloistxt.htm

⁶ Помимо Франции, России и Китая – ядерных государств, чьи позиции могут затормозить процесс, Шри-Ланка на протяжении долгого времени лидировала в обсуждении космической проблематики так же, как Канада и некоторые другие страны-участники Коалиции за новую повестку дня.

⁷ Lt. Col. Deblois Bruce M. *Op. cit.*, note 1

⁸ См.: Jasani Bhupendra. *Peaceful and Non-Peaceful Uses of Space: problems of definition for the prevention of an arms race in outer space. UNIDIR*, 1991; *Outer Space: A Source of Conflict or Cooperation. United Nations University Press and SIPRI*, 1991

⁹ US Congress Office of Technology Assessment report OTA-ISC-281 «Anti-satellite weapons, countermeasures, and arms control», *Jasani Emerging Technologies* 1985, September 1987

ГЛОБАЛЬНАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА РАЗРУШЕНИЮ ДОГОВОРА ПО ПРО

Виталий Лукьянцев

Сейчас наблюдается какая-то задержка с системой противоракетной обороны. Чем ее объясняют американцы? Они говорят, что пришедшие новые люди в администрации Джорджа Буша-младшего сейчас задумывают нечто более масштабное. По печати можно также заметить, что действительно меняется подход в отличие от планов администрации Клинтона и на это требуется определенное время. Другой момент, на который обращают внимание американские политологи, как раз касается выхода оружия в космос. Они говорят, если новая концепция, с которой выступит президент Джордж Буш - младший по национальной противоракетной обороне (НПРО), будет включать в себя *космический* компонент, то следует ожидать усиления оппозиции НПРО, даже со стороны нынешних американских консервативных сторонников НПРО, потому что среди них есть противники вывода оружия в космическое пространство. Вот на эти моменты я хотел бы обратить внимание.

Глобальная система контроля и инициативы России

Мы провели две международные встречи экспертов по проблемам глобальной системы контроля в Москве. Когда начиналась разработка этой концепции, мы исходили из того, что сейчас в мире действительно есть озабоченность по поводу распространения ракет. Но те угрозы, угрозы ракетного распространения, о которых говорят Соединенные Штаты, аргументируя свою позицию в поддержку НПРО, существенной роли не играют. Таких угроз мы не видим, не видим причин для проблемных стран, ни политических, ни экономических, ни военных для того, чтобы угрожать ракетным ударом США. Более того, даже если какое-то государство только подумает пустить баллистическую ракету в сторону США, оно должно ясно осознавать, каков будет ответ. США просто в пыль могут стереть это государство, и это мы должны учитывать.

Если хронологически посмотреть, как развивались дискуссии вокруг ракетного распространения, и взять за точку отсчета февраль 1996 года, когда США заявили о своей программе подготовки к развертыванию НПРО, проблемы ракетных угроз, проблемы ракетного распространения стали чрезвычайно актуальными. Более того, активизировался сам процесс ракетного распространения.

Причины ракетного распространения

Значительная часть стран стремится к приобретению ракетно-технической техники для того, чтобы обеспечить свое экономическое развитие, используя полученные технологии и их возможности на пользу сво-

ей экономики. Другая часть стран пытается утвердить и укрепить свое военно-политическое присутствие в регионе. Третья - обеспечить свою безопасность. А пока есть спрос, есть предложение.

Сущность идеи Глобальной системы контроля

В основе лежит попытка найти решение, как ограничить и сдержать ракетное распространение. Правда, в нашей концепции нет элемента контроля и нас за это критикуют. Критикуют справедливо, но мы, когда разрабатывали концепцию, не включили элемент контроля по известным причинам. Дело в том, что ГСК состоит из целой серии механизмов и режимов, которые работают как единый комплекс.

Основными элементами комплекса является:

- многосторонний режим уведомления о пусках ракет. Мы рассматриваем это как меру транспарентности, которая обеспечивает повышение уверенности каждого из государств в намерениях своего соседа в связи с пусками ракет. Это обеспечивало бы предотвращение несанкционированных пусков, давало бы возможность правильно оценивать те или иные действия. В конечном счете, главная цель — это предотвращение вооруженного конфликта в результате ракетного пуска или в результате неправильного истолкования ракетного пуска.
- использование материальных стимулов поощрения в отношении тех государств, которые воздерживались бы или отказывались бы от развития национальных программ баллистических ракет в военных целях. Вместе с этим, мы говорим также о гарантиях безопасности таким государствам.
- создание международного центра, который бы имел базу данных, где можно было бы собирать и распространять информацию о ракетных пусках.
- проведение на регулярной основе международных консультаций, которые бы обеспечивали дальнейшее развитие ГСК, способствовали бы решению неясных ситуаций, урегулированию проблем, споров, которые могут возникать в связи с решением вопроса в отношениях между государствами, касающихся баллистических ракет.

Сейчас, после второй встречи по ГСК, можно говорить уже с некоторым оптимизмом о том, что эта

Виталий Лукьянцев,

старший советник департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России.

идея завоевывает все больше сторонников. Можно видеть определенные признаки того, как могут реализовываться элементы, заложенные в нашей концепции, на практике.

Обратимся к вопросам, связанным с предварительным уведомлением о пусках баллистических ракет. В 2000 году Россия и США заключили два меморандума: о совместном центре обмена данными, получаемыми системами раннего предупреждения, и об уведомлениях о пусках баллистических ракет, космических ракет-носителей. Оработка технологий обмена данными и совместного использования данными даст возможность в последующем создать многосторонний режим уведомления. Более того, меморандум о пусках ракет содержит специальные положения о том, что обе стороны - и Россия, и США - будут способствовать тому, чтобы этот двусторонний меморандум стал в дальнейшем если не многосторонним, то, во всяком случае, была бы создана основа для многостороннего режима уведомления. Кроме того, в самом центре, который будет создаваться в Москве, заложена техническая возможность обмена данными на 200 пользователей. Так что уже просматриваются черты того, как может работать многосторонняя система уведомления о пусках ракет.

Есть признаки того, как может развиваться в положительном направлении такой элемент, как материальное поощрение и стимул. Я имею в виду заявление руководителя КНДР о том, что Северная Корея была бы готова отказаться от программ баллистических ракет большой дальности в случае, если будет иметься возможность запускать два - три спутника в год за счет других государств. Элемент материального поощрения, вовлечение государств, которые будут воздерживаться от дальнейшего развития своих национальных программ баллистических ракет, плюс как можно более широкое вовлечение этих государств в международное космическое сотрудничество (предоставление им информации о результатах космической деятельности и прочее) позволяют выйти на другую договоренность, которая бы составляла часть пакета ГСК.

Сама идея ГСК дала стимул активности в рамках контроля за ракетными технологиями. Страны-партнеры режима по контролю за ракетными технологиями (РКРТ) моментально зашевелились и за очень короткий период времени разработали *кодекс поведения* по предотвращению распространения баллистических ракет, в котором очень много элементов из нашей идеи, из идеи ГСК. Надо сказать, что ГСК не является национальной идеей России, как можно подумать. Это сборная, это комплекс идей, которые выдвигались до 1999 года различными государствами. Есть предложения Франции и Австралии, Англии и даже США. ГСК - это воплощение всех тех идей и соображений, которые были предложены представителями стран-членов международного сообщества, и именно поэтому сейчас ГСК получает такую международную поддержку. Соб-

ственно, те страны, идеи которых присутствуют в ГСК, не могут просто от них отказаться. Они эту идею либо должны воспринимать такой, какая она есть, либо дополнять ее какими-то новыми соображениями.

Принципы Глобальной системы контроля

Принципы, на которых строится ГСК, - добровольное участие, равноправие и недискриминационный подход.

Если действительно стремиться к созданию ГСК, необходимо, чтобы в этом принимали участие все заинтересованные страны. Базировалось бы решение этой идеи на международном договоре или на серии международных соглашений.

Мы изначально выступали за то, чтобы эта проблема решалась под эгидой ООН. Сейчас тот факт, что Генеральная Ассамблея ООН два года подряд принимает резолюцию о ракетах и в последней резолюции есть положение о том, чтобы генеральный секретарь представил на сессии Генеральной Ассамблеи в 2002 году доклад о ракетах во всех его аспектах, говорит о том, что, предлагая идею ГСК, мы шли в правильном направлении и это направление мы, естественно, будем продолжать.

Некоторые страны заявляют о том, что после того, как был разработан *кодекс поведения* в РКРТ, появилась некоторая конкуренция. Может быть, это и присутствует, но в небольших масштабах. Когда в Японии проводилось мероприятие, связанное с кодексом поведения ГСК, куда Россию первоначально даже не пригласили, в конце концов, мы приняли в нем участие, высказали свои соображения, а потом завели с организаторами диалог: «Почему, собственно, вы воздержались от того, чтобы пригласить Россию?» Ответ был аргументирован тем, что это было азиатское мероприятие, а мы неазиатская страна. Кроме того, организаторам нужно было пояснить представителям азиатских стран, что имеется в виду под кодексом поведения. В общем, основная задача, которую они видят перед собой, - это вовлечь в орбиту интересов кодекса поведения как можно больше государств и отодвинуть в сторону идею глобальной системы контроля. Мы не возражаем, чтобы это обсуждалось на других форумах, наоборот, мы выступаем за то, чтобы ГСК обсуждалась на многосторонних форумах. Президент Владимир В. Путин поднимает эту проблему на всевозможных уровнях, и это находит позитивный отклик.

Заключение

Возвращаясь к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Тот факт, что Генеральная Ассамблея признала эту проблему, приняв резолюцию, говорит о том, что проблему ракетного распространения нужно обсуждать и решать в рамках наиболее универсального и представительного международного форума, каковым является Организация Объединенных Наций, а также Совет безопасности, который несет основную ответственность за поддержание мира и безопасности. ■

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ РАКЕТНАЯ ПРОГРАММА

Политические технологии во внешней политике

Александр Дмитриев

Тот факт, что в одном из наиболее динамично развивающемся регионе мира - в Северо-Восточной Азии - сохраняется неразрешенный очаг военного конфликта, является, безусловно, геополитическим анахронизмом. Однако преодолеть его чрезвычайно сложно как по причине сложных отношений государств региона, обостренных существенной ролью внешних сил, так и по причине продолжающейся в регионе гонки вооружений.

Существенным элементом региональной гонки вооружений являются вопросы, так или иначе связанные с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ). Опасность заключается не только в том, что, с одной стороны, в ряде стран региона мировое сообщество столкнулось с довольно развитыми прикладными военными программами в сфере ОМУ и средств их доставки, а с другой стороны, уровень промышленного развития государств региона не дает надежды на то, что программы в сфере ОМУ будут только имитационными.

Опасность состоит в том, что, при всей вербальной приверженности государств региона принципам нераспространения, они неоднократно в кризисные периоды для региона давали основания для сомнений в своей искренности. И одним из наиболее важных факторов, который обуславливает двойственность позиции большинства государств региона, включая и Японию, формально закрепившую свой, безусловно, безъядерный статус по отношению к ядерному оружию и другим видам ОМУ, а также в целом — к дестабилизирующим видам военных технологий, являются военные программы КНДР. В особенности это касается программ, связанных с разработкой компонентов ОМУ и ракетными технологиями. Наличие у КНДР развитого ракетного потенциала однозначно превращает любой локальный конфликт не просто в региональный, но и в трансрегиональный с большим дестабилизирующим потенциалом.

Понимание сущности прикладных программ КНДР в области продвинутых военных технологий важно еще и как пример того, как государство, находящееся на относительно ранней стадии промышленного развития, путем концентрации своих ресурсов на

одном из важнейших и весьма чувствительных направлений технологического развития вполне может добиться значительных успехов.

Интересно, что различные - порой сенсационные - аспекты ракетной программы КНДР появляются в общественном обороте как бы импульсно, в зависимости от изменений в региональной политической ситуации или от настроений ведущих держав мира. Так что появление в Соединенных Штатах сенсационных докладов о состоянии ракетных программ Северной Кореи, растиражированных затем в мировых средствах массовой информации, в которых говорится о том, что, несмотря на жестокий экономический кризис и фактическую блокаду, это государство активно продолжает разработку баллистических ракет оперативно-тактической дальности, следует рассматривать именно с этой точки зрения. При всем том, что полное содержание засвеченных в американской печати докладов пока остается неизвестным, они отражают происходящие в американской политике на Дальнем Востоке существенные изменения. Они связаны с явным ужесточением линии США по отношению к КНДР и в контексте распространения ракет и ракетных технологий, и с точки зрения общего военно-политического баланса в регионе.

При всей важности недавних утечек новых оценочных документов, нельзя не отметить общую, сравнительно высокую аналитическую активность различных ведомств США, прежде всего, ЦРУ и разведывательного сообщества в целом по северокорейскому направлению. Нельзя не отметить и того, что, вопреки бытующим обвинениям США в излишней идеологизированности, содержащиеся в известных американских документах по вопросу о ситуации КНДР американские оценки, особенно в том, что касается понимания внутривнутриполитических истоков поведения северокорейского руководства, отличаются высокой степенью реалистичности. США вполне адекватно понимают сущность и методику политики балансирования Пхеньяна между различными региональными (Россия, КНР, Япония, да и Южная Корея) и вне-региональными силами (прежде всего, США и страны Европейского Союза). Тем более удивительны радикальные выводы, содержащиеся в упомянутых но-

вейших разведывательных оценках, да и во многих других политических, которые не вполне вписываются в общее понимание северокорейских целей и имеющихся средств для их достижения.

Конечно, по внешним признакам и времени появления доклады вполне ложатся в стратегическую линию поведения США в контексте развертывания национальной системы противоракетной обороны.

Они в первом приближении призваны, прежде всего, усилить легитимизацию американских шагов, которые пока признаются большинством государств мира недостаточными. Однако думается, что в данной ситуации имеются и более глубинные содержательные слои.

Если говорить о первом содержательном слое данных докладов, то он вполне очевиден. Геополити-

Из выступления заместителя директора ЦРУ Джона Э. Маклафлина
на конференции в Университете А&М
штата Техас

«Северная Корея: вовлечение или конфронтация?»

17 апреля 2001 года

Сегодня, говоря *Северная Корея*, мы подразумеваем наиболее проблемные аспекты современного пост-конфронтационного мира. Вызов, который бросает нам и нашим союзникам Северная Корея, стал значительно более грозным.

[...] Планы Северной Кореи представляют собой загадку гораздо в меньшей степени, поскольку руководство этой страны рассматривает ракеты *Надон* и *Тэподон* в качестве инструмента осуществления дипломатии и поддержания обороноспособности страны.

[...] Северная Корея продолжает способствовать распространению как из финансовых, так и из политических соображений. Задача заключается в том, чтобы привлечь наше внимание, показать наиболее важные рычаги воздействия на нас и напомнить нам о предмете торга. Пхеньян продолжает активно продвигать на рынке свои баллистические ракеты, оборудование и технологии. *Надон* и модификации этой ракеты можно найти в самых разных точках планеты, например в Иране и Пакистане. Наличие этих ракет способно заметно изменить геополитический и военный расклад сил на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Короче говоря, Северная Корея облегчила усилия других стран по приобретению и совершенствованию средств доставки ОМУ. Случай с приземлением одной из ракет *Тэподон* недалеко от Японии два года назад придал новое тревожное измерение концепциям сдерживания и проецирования силы, исповедуемым Пхеньяном. И Корея сегодня работает над созданием новых моделей, которые могли бы достичь территории США, неся заряды, аналогичные по габаритам ядерным боеголовкам.

Необходимо взвесить слова корейского лидера, понаблюдать за его действиями. Все мы были свидетелями сигналов, которые посылал северокорейский режим. Это и поведение Ким Чен Ира на саммите лидеров Северной и Южной Кореи, это и направление в Вашингтон вице-маршала Чо, и встреча вождя корейского народа с американскими дипломатами в Пхеньяне. Такими индикаторами стали также готовность принять зарубежную помощь и терпеть тех, кто ее оказывает; усилия по привлечению иностранных инвестиций в экономические анклавы; изменения в экономической политике страны. Но главное — это понять, насколько симптоматичны эти сигналы, насколько они свидетельствуют о начале процесса. Ведь пока все эти шаги не привели к реальному улучшению ситуации в КНДР, дальше обозначения этих мер дело не пошло. В то же время они показывают, что руководство страны понимает необходимость сделать что-то, дабы изменить положение к лучшему. В конце концов, это нужно и для собственного выживания режима, не говоря уже о других причинах. Поездки Ким Чен Ира в Китай в январе 2001 года и в мае прошлого года также имели большое значение. Но важно не забывать, что экономические реформы в Китае стали возможны, в значительной степени, благодаря смерти Мао и демонтажу существенных элементов его наследия. В Северной Корее пока не наблюдается аналогичного отхода от наследия Ким Ир Сена и всего того, что он символизировал.

Ким Чен Ир попытался получить помощь извне, играя на озабоченности международного сообщества в связи с ракетной программой Пхеньяна и продажей им ракет и технологий. То же самое, хотя и в более утонченной манере, он сделал, воспользовавшись опасениями других стран по поводу очередного голода в стране и хаоса, который может возникнуть, если приоткрыть железный занавес в такой ситуации.

Региональный контекст, о котором мы говорили сегодня среди других вещей, изменился по окончании *холодной войны*. Россия и Китай проводят переоценку своих возможностей влияния, силового потенциала и отношений друг с другом. Япония сосредоточена на том, чтобы положить конец затянувшемуся экономическому спаду, и проявляет повышенный интерес к вопросам безопасности после ракетных испытаний Пхеньяна. Южная Корея — это активно развивающееся государство с сильной демократией, страна, занимающая двенадцатое место в мире по своему экономическому потенциалу. Сеул является собой полную противоположность стагнирующему Пхеньяну, чьи экономические возможности крайне незначительны. Восточная Азия в целом по-новому смотрит на США — единственную на сегодня сверхдержаву. [...] К нам часто обращаются с просьбой стать партнером, защитником или честным посредником. Но на США смотрят и как на страну, чьи интересы и приоритеты не всегда совпадают с целями и задачами других основных субъектов международных отношений в регионе.

ческие интересы США - во всяком случае, в интерпретации нынешней администрации - явственно сдвигаются в сторону Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона. И разведывательное сообщество США вынуждено подстраиваться под новые веяния в американской геополитике. А, объективно, сердцевинной ситуации в Северо-Восточной Азии, которая важна для США хотя бы тем, что там расположены два ведущих государства мира - Китай, Япония, а также имеются дальневосточные регионы России и значительное американское военное присутствие, является конфликт на Корейском полуострове. Но за последние полтора года КНДР смогла если не выйти из состояния внешнеполитической изоляции, то значительно ее ослабить. Развиваются контакты по линии *Север-Юг*, причем во многих случаях пропагандистски главные пенки снимает именно Север как, например, это произошло в ходе гуманитарной программы по воссоединению семей. Стабильны контакты руководства КНДР с Европой, стремящейся к большему участию в процессе денуклеаризации корейского полуострова, а в более далекой

перспективе - к большему экономическому присутствию. Пхеньяном достигнут заметный прогресс в отношениях с Россией, которая после долгих лет игнорирования КНДР на базе прозападных идеологических догм начала проявлять некоторый интерес к сотрудничеству с государством, являющимся дальневосточным соседом России. Иными словами, Северная Корея получила значительный простор для маневров, а значит, процесс объединения Севера и Юга полуострова, который тщательно конструировали в Вашингтоне, может приобрести совершенно иные формы и иное содержание, в котором первую скрипку будет играть, например, не США, а Китай, для которого вопрос контроля над процессами на Корейском полуострове является приоритетом национальной безопасности, и который - если, конечно, его руководство действительно пытается превратить свое государство в глобальную силу - просто не может позволить себе иметь у границ еще один (в добавлении к Тайваню) анклав, управляемый американцами. А значит, Пекин будет готов инвестировать в развитие «мирного процесса на корейском

Из доклада

Развитие ракетных программ за рубежом и ракетная угроза для США

на период до 2015 года

сентябрь 1999 года

Доклад был подготовлен под руководством Боба Уолпола, начальника департамента стратегических и ядерных программ Национального разведывательного совета

Мы считаем, что Северная Корея, Иран и Ирак были бы склонны рассматривать свои межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) в качестве стратегического оружия, предназначенного скорее не для военных действий, а для сдерживания и дипломатического давления. Мы полагаем, что:

- Северная Корея могла бы превратить *Тэподон-1* из ракеты для запуска космических аппаратов в межконтинентальную баллистическую ракету, способную доставлять легкие боеголовки (например, с химическим или биологическим зарядом) к целям на территории США, хотя поражение больших городов маловероятно в силу малой точности этого оружия. Высока возможность того, что КНДР трансформирует в МБР более крупную ракету, - *Тэподон-2* - которая может донести до США боеголовку весом в несколько сотен килограммов (этого достаточно для раннего поколения ядерных вооружений). Большинство аналитиков говорят о том, что такая ракета может быть испытана в любой момент, если это решение не будет отложено по политическим мотивам. Возможно, изначально она будет испытана в качестве ракеты-носителя для выведения космических аппаратов на орбиту.

Показательно, что трехступенчатая корейская ракета *Тэподон-1* имеет конструктивные особенности, дающие ей ограниченные возможности по доставке малых боеголовок на дальности, характерные для МБР. Хотя попытка запустить спутник с помощью *Тэподон-1* в августе 1998 года провалилась, Северная Корея продемонстрировала наличие у нее некоторых технологий, необходимых для создания МБР, включая способность производить многоступенчатые ракеты. Однако боеголовка, если бы ее разместили на этой ракете, сгорела бы при возвращении в атмосферу, не выдержав перелета на дальностях, характерных для МБР, поскольку изначально ракета задумывалась для запуска космических аппаратов. Мы считаем, что КНДР не будет использовать в военных целях (в качестве МБР) трехступенчатую *Тэподон-1*, предпочтя ей более мощную *Тэподон-2*, полетные испытания которой, по нашим оценкам, пройдут в 2001 году, если они не будут отложены по политическим соображениям.

Северная Корея. После России и Китая Северная Корея является государством, ближе всех подошедшим к созданию МБР, способных в ближайшие 15 лет угрожать территории США.

- КНДР попыталась вывести на орбиту небольшой спутник, используя *Тэподон-1* в августе 1998 года, но третья ступень ракеты не сработала во время активного полета; другие стадии полета, включая отделение ступеней, похоже, были успешными.
- Если бы у Пхеньяна была работающая третья ступень и аппарат возвращаемый, способный пережить полет на дальность, характерную для МБР, ракета *Тэподон-1* была бы в состоянии доставить к целям на территории США легкий боевой заряд. В этом случае около двух третей массы полезной нагрузки пришлось бы на возвращаемый аппарат.

полуострове» значительные организационные, политические, да и материальные ресурсы.

Естественно, что в Вашингтоне это понимают и были бы заинтересованы в том, чтобы вернуться к тому состоянию на Корейском полуострове, которое существовало до визитов в Пхеньян Мадлен Олбрайт и Владимира Путина. То есть к ситуации относительной внешнеполитической изоляции, когда главным и, фактически, единственным партнером Пхеньяна был Пекин, а значит, у США была возможность хотя бы пытаться разыгрывать вопрос о Корейском полуострове как одну из разменных монет, наряду с вступлением в ВТО или статусом наибольшего благоприятствования. С этой точки зрения, резкое усиление пропагандистского давления на Пхеньян вполне логично и разумно. И проявляется это не только в вопросе о ракетном оружии Пхеньяна. Достаточно вспомнить раскрученный до масштабов главной мировой новости скандал с задержанием в токийском аэропорту человека, похожего на сына северокорейского лидера Ким Чен Ира.

Оставшейся массы было бы недостаточно для размещения ядерной боеголовки раннего поколения, но хватило бы для размещения боеголовки с биологической или химической начинкой.

- Большинство экспертов полагают, что КНДР, возможно, испытает *Тэподон-2* в 2001 году, если решение не будет отложено по политическим причинам. Двухступенчатая ракета *Тэподон-2* могла бы доставить к целям на Аляске и на Гавайях заряд в несколько сотен килограммов и более легкие заряды к целям в западной части США. Трехступенчатая модификация данной ракеты могла бы доставить боеголовку в несколько сотен килограммов к цели в любой точке США.
- КНДР не будет использовать в военных целях (в качестве МБР) трехступенчатую *Тэподон-1*, предпочтя ей более мощную *Тэподон-2*.

Наши возможности предупреждения удара со стороны какого-либо государства в значительной степени зависят от способности собрать необходимые данные. В отношении некоторых стран у нас имеется достаточно информации для оценки ситуации, в других случаях наши знания о реализуемых программах ограничены. Мониторинг и мероприятия по предотвращению ракетного удара со стороны КНДР, пытающейся получить возможности по созданию МБР, представляют собой важное исследование с точки зрения систем предупреждения. В 1994 году мы могли говорить о том, что КНДР понадобится пять лет на создание МБР. В то время секретные службы считали, что:

- *Тэподон-1* - это двухступенчатая ракета средней дальности, которая может быть испытана в 1994 году и развернута уже в 1996 году.
- *Тэподон-2* - это большая двухступенчатая ракета, которая позволит Пхеньяну и другим государствам поражать с помощью ядерного оружия некоторые районы США, а с помощью химического и биологического оружия достигать любых точек на территории Америки. По мнению разведки в 1994 году, программа полетных испытаний *Тэподон-2* должна была начаться в ближайшие годы, а развернута ракета могла быть к 2000 году или позже.

Таким образом, разведка США предупреждала, что Северная Корея стремится обладать возможностями по созданию МБР и может провести полетные испытания МБР (*Тэподон-2*) в середине или конце девяностых годов. Когда этого не произошло, а в 1998 году *Тэподон-1* была испытана для запуска космических аппаратов, стало ясно, что секретные службы:

- переоценили способности КНДР по проведению полетных испытаний *Тэподон-1* и *Тэподон-2* и предсказали более ранние сроки их проведения, чем оказалось в действительности;
- правильно оценили сроки создания Пхеньяном ракеты, обладающей возможностями по доставке полезной нагрузки на расстояние до 5500 км (дальность, характерная для МБР);
- недооценили потенциал *Тэподон-1*, поскольку не предусмотрели возможность использования третьей ступени.

Ракетная программа КНДР по созданию МБР развивалась практически согласно тем срокам, которые были предсказаны в 1994 году, но совершенно в непредвиденном направлении, с точки зрения выбора приоритетной модели ракеты. По мнению разведки, Северная Корея должна была создать МБР на основе двухступенчатой *Тэподон-2*, а не на базе *Тэподон-1* с неуправляемой третьей ступенью. Использование Пхеньяном трехступенчатой *Тэподон-1* в качестве ракеты-носителя стало полной неожиданностью. До момента проведения полетных испытаний спецслужбы не знали о существовании третьей ступени и намерениях использовать *Тэподон-1* для запуска космических аппаратов.

лению, возможности оценить всю глубину замысла. Однако сама по себе задумка была, *с одной стороны*, долгосрочной, поскольку разыгрывалась на протяжении более десяти лет, а *с другой стороны*, глобальной, ибо была рассчитана на принципиальное изменение расклада сил в стратегически важном для мировой политики регионе.

Так не является ли нынешний раунд нагнетания обстановки вокруг северокорейской ракетной и ядерной программы не просто средством дополнительной легитимизации американской программы противоракетной обороны, но и элементом некоего стратегического поворота в американской политике в Северо-Восточной Азии и в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который в уже проявившихся рамках бушевской дипломатии будет, видимо, играть роль не меньшую, если не большую, чем Ближний Восток для президента Уильяма Клинтона. Об этом можно говорить хотя бы потому, как часто этот регион упоминается в последних выступлениях руководителей новой администрации, так что вариант консолидации своих сторонников и создания новой, более благоприятной для США структуры отношений за счет акцентирования фактора наличия общего врага выглядит вполне разумной. Тем более что в значительной мере претензии американцев к Северной Корее, в особенности, с точки зрения разработки ракет и ракетных техно-

логий и их экспорта, носят вполне оправданный характер. Опасность ситуации, прежде всего, для стран, непосредственно входящих в регион, состоит как раз в том, что вероятность перерастания локальных кризисов, которые будут практически неизбежны при реализации жесткой модели давления на Северную Корею, весьма высока.

Если мы в данном случае действительно имеем дело с политической технологией, то это весьма обидно и опасно. Обидно потому, что вполне нормальные для российской внутренней политики политические технологии, а вернее, аппаратные и публичные интриги и разводки, вряд ли делают честь единственной сверхдержаве. Опасно потому, что активность КНДР в сфере дестабилизирующих военных технологий является реальным и неоспоримым фактом, к которому надо подходить весьма взвешенно и серьезно. Ибо конфликт на Корейском полуострове, который вполне может стать частью данных политических технологий, может привести не к маленькой победоносной войне, как это представили США в Персидском заливе, а к возникновению круговорота насилия, который окончательно подорвет все надежды на формирование системы коллективной безопасности в регионе и экономические перспективы. Последнее важно и для самих США, которые остаются ведущей силой в глобальных усилиях по нераспространению опасных военных технологий. ■

Специально для бюллетеня Ракеты и Космос

Современное состояние отношений между США и КНДР

В 2000 году отношения между США и Северной Кореей заметно улучшились. В октябре состоялся визит в КНДР Мадлен Олбрайт, которая, занимая тогда пост государственного секретаря США, стала первым американским чиновником такого высокого ранга, посетившим Северную Корею. Перспективы потепления отношений наметились после того, как Ким Чен Ир уверил г-жу Олбрайт, что попытка запуска северокорейского спутника в августе 1998 года была первой и последней. Ракетная программа Пхеньяна была предметом серьезной озабоченности США, но к концу президентского срока Билла Клинтона стороны почти достигли соглашения о прекращении этой программы. Они не смогли лишь решить ряд технических проблем, включая вопросы проверки и контроля над соблюдением договоренностей.

После смены американской администрации в январе 2001 года в отношениях двух стран наступил период существенной неопределенности. Многие республиканцы критично отнеслись к северокорейской политике Клинтона и настояли на том, чтобы администрация Буша заняла более жесткую позицию по отношению к Пхеньяну. Заявления президента Буша и Колина Пауэлла заставили КНДР вновь вернуться к резкой антиамериканской риторике, казалось бы, исчезнувшей в 2000 году. Тем не менее, значительная часть демаршей обеих сторон адресована, прежде всего, общественному мнению внутри США и КНДР.

Прагматизм и давление с разных сторон, вероятно, заставят оба государства прийти к тому типу отношений, который начал складываться в 2000 году. Например, Пхеньян недавно объявил о намерении продлить мораторий на полетные испытания, по меньшей мере, до 2003 года. И несмотря на предыдущую критику Рамочного соглашения со стороны республиканцев, новая администрация сегодня заявляет о желании следовать этому документу. Отношения между США и КНДР и между двумя Кореями заморожены до тех пор, пока администрация Буша-мл. не закончит пересмотр американской политики в отношении Пхеньяна.

Д-р Дэниел А. ПИНКСТОН,
старший научный сотрудник

Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского
института международных исследований

Событие

СЕМИНАР ДЛЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ

28 февраля 2001 года ПИР-Центр политических исследований в рамках проекта «Образовательная программа по контролю над вооружениями и нераспространению для российских законодателей» провел семинар «Новая администрация США: судьба договора по ПРО и перспективы российско-американских отношений». Семинар привлек значительный интерес российской научной и политической общественности. Редакция бюллетеня *Ракеты и Космос*, учитывая возросшую за последнее время актуальность темы, дает возможность нашим читателям ознакомиться с сокращенными версиями основных докладов, прозвучавших на семинаре.

Из доклада

Виктора Колтунова,
консультанта международно-договорного управления
Министерства обороны РФ

США необходимость развертывания национальной противоракетной обороны (НПРО) объясняют угрозой нанесения удара баллистическими ракетами странами-изгоями или странами, вызывающими озабоченность. К этим странам они причисляют Северную Корею, Иран и Ирак. Зададимся вопросом, существуют ли реальная угроза нанесения ракетного удара по территории США со стороны Северной Кореи, Ирана и Ирака. Не менее принципиальным является и то, о каких баллистических ракетах должна идти речь? И оказывается, что, в конечном счете, НПРО Соединенных Штатов разрабатывается для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами.

Для создания такой сложнейшей системы, как межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), даже таким гигантам, как Советский Союз и Соединенные Штаты с их колоссальным научно-техническим потенциалом, огромными финансовыми возможностями, с их богатейшим опытом в ракетостроении, обычно требуется не менее семидесяти лет. Ни одно из указанных государств возможностями, сопоставимыми с СССР и США, как известно, не обладают. Для этих стран трудноразрешимую проблему будут представлять технологии, необходимые для создания стратегических и баллистических ракет. Прежде всего, технологии мощных ракетных двигателей, специальных конструкционных материалов, специальных теплозащитных покрытий-конструкций и так далее.

Зачастую делающиеся ссылки на пуск ракеты 31 августа 1998 года, приуроченный к 50-летию КНДР, этого вывода не меняют. Значение этого пуска не следует преувеличивать. Многие специалисты сходятся на

том, что этот пуск проводился с использованием ракеты, созданной на базе проекта *Надон-2*, которая, в свою очередь, была разработана на базе ракеты типа *Scud* по известной схеме повышения дальности за счет увеличения длины вакуума ракеты, а стало быть, и запаса топлива при одновременном снижении массы полезной нагрузки. Ясно, что говорить о возможности создания МБР по этой схеме не приходится.

Именно потребностью в региональных средствах, с одной стороны, и слишком высокой платой за создание МБР, с другой стороны, можно объяснить тот факт, что подавляющее большинство баллистических ракет во всех странах третьего мира имеют дальность, как правило, не превышающую расстояние 1000-1500 км. Приведу одну из оценок, согласно которой в настоящее время 33 страны, не считая пяти ядерных государств, имеют баллистические ракеты (БР) или технологии. Из них 27 стран имеют БР с дальностью до 1000 км. Из 27 - 22 имеют только ракеты типа *Scud* или аналогичные им с дальностью меньше 300 км. И только шесть стран (Саудовская Аравия, Индия, Пакистан, Израиль, Иран и Северная Корея) имеют ракеты средней дальности, из которых четыре (Индия, Пакистан, Северная Корея и Иран) имеют программы разработки ракет промежуточной дальности, а не стратегические межконтинентальные баллистические ракеты.

Дело пытаются представить так, что Северной Корее, Израилу, Ирану и Ираку МБР нужны для шантажа США. По этому поводу можно сказать следующее: для этих целей имеются другие, более доступные средства и способы. Данные разведывательного сообщества США были распространены в Интернете в сентябре 1999 года, в которых говорится: «Имеются некоторые другие средства доставки оружия массового уничтожения (ОМУ), не являющиеся бо-

более надежными, чем МБР. Однако такие средства могут быть использованы, поскольку они требуют меньших затрат, чем разработки и производство МБР; могут быть скрытно разработаны. Они могут быть более точными и эффективными, и им не нужно будет преодолевать ПРО».

Но какие цели могут преследовать Северная Корея, Иран и Ирак, делая ставку на шантаж США? Ни в политической, ни в экономической, ни в дипломатической областях, ни в других сферах их не видится.

Трудно себе представить, что фактор ядерного сдерживания, эффективно работающий между ядерными государствами, не будет работать применительно к третьим странам. Иногда пускается в ход тезис о неустрашимости. Однако нет свидетельства, что руководители некоторых государств страдают манией самоубийства или не способны понять, что в ответ на ракетные удары по США это государство будет, образно говоря, *стерто с лица земли*.

Система, которая в США объявляется ограниченной, в действительности такой не может быть в силу ряда причин. Чтобы прикрыть всю территорию США от ракетного удара, необходимо создать и развернуть широко разветвленную сеть информационных средств, в том числе и космического базирования. Создание, развертывание информационной составляющей, функциональное сопряжение ее с огневыми средствами и средствами боевого управления и связей - это определяющий этап в развитии ПРО территории страны. Нарастание же состава средств - это не проблема, это вопрос принятия соответствующего решения, повод для которого несложно найти. Одно из требований к архитектуре НПРО является способность ее к наращиванию своего потенциала. Не секрет и то, что ряд американских конгрессменов уже сейчас ставят вопрос о развертывании полномасштабной НПРО. По имеющейся информации, в рамках планируемой для целей национальной ПРО модернизации РЛС предупреждения о ракетном нападении предусматривается доработка программ обеспечения этих радаров. В частности, чтобы они могли одновременно сопровождать до 1200 целей. Сейчас, как считается, возможность одновременного сопровождения оценивается в несколько десятков целей.

В ходе проведенного в 2000 году тестирования программного обеспечения упомянутых радаров имитировалось ракетное нападение с применением более 900 стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования. О какой ограниченной ПРО могла идти речь? Не следует забывать и то, что в США широким фронтом ведутся работы по созданию противоракетных систем на основе лазеров воздушного и космического базирования. Надо

полагать, что все это делается не из любопытства. Разработку противоракетных лазеров Пентагон рассматривает как одну из перспективных направлений в проблеме ПРО. Говорить об ограниченном характере такой ударной компоненты как противоракетный лазер космического базирования опять же не приходится.

Трудно питать иллюзии, что США, затратив огромные средства, оцениваемые в 100 и более млрд. долл., ограничатся тем, чтобы НПРО была способна перехватывать пять, десять или двадцать боеголовок. Одним словом, ясно, что разговоры о так называемом ограниченном характере НПРО - это *ширма*, призванная завуалировать подлинность этой системы.

Хотелось бы указать на один прием, с помощью которого пытаются показать неопасность развертывания НПРО Соединенные Штаты. В этой связи говорят так, у России, даже если будет подготовлен новый Договор СНВ-3, может остаться 2000 - 2500 или 1500 боезарядов. Если НПРО может перехватывать пару десятков боезарядов, это никак не скажется на российском стратегическом потенциале сдерживания. Надо сказать, что в этой арифметике есть большая доля лукавства.

Еще об одном хотелось бы сказать. Сейчас немало стало появляться публикаций различных специалистов, предлагающих разного рода компромиссы, замены и так далее. Те, кто разбирается в существе данного вопроса, понимают, что торг неуместен. Варианты размена, компромиссы не избавят мировое сообщество от негативных последствий развертывания США НПРО. Наконец, позиция России не сводится лишь к неприятию курса США на разрушение Договора по ПРО в связи с планами развертывания США национальной ПРО. Мы противопоставляем этому курсу целую позитивную программу совместных действий. Реальная картина с созданием в третьих странах баллистических ракет такова, что требует на это реагирование развертывания стратегической ПРО территории страны, что само по себе чревато подрывом стратегической стабильности.

Из доклада

Михаила Лысенко,

заместителя директора департамента по вопросам безопасности и разоружению МИД РФ

Наша официальная позиция - позиция неприятия - остается неизменной: НПРО нарушит всю структуру, нанесет удар по режиму нераспространения, поставит под угрозу международную безопасность, а также разрушит обязательства по Договору СНВ-1, то есть нераспространение технологий режима контроля за ракетными технологиями (РКРТ). Не будет сидеть сложа руки Китай. Речь идет о модернизации

ции вооружений, что приведет к цепной реакции в регионе.

Россия настроена на конструктивный диалог с США по всему комплексу вопросов стратегической стабильности. Дипломатическая альтернатива планам НПРО изложена в известном документе Президента РФ от 13 ноября 2000 года. Этот документ сохраняет свою актуальность. В нем впервые было признано, что Россия готова к сокращению боезарядов ниже 1500, но только при укреплении Договора по ПРО.

Имеются высказывания о том, что Договор 1972 года устарел, стратегическая ситуация изменилась, а США имеют моральное и юридическое право ради сохранения безопасности своего народа развернуть никому не угрожающую систему ПРО. Насаждается фатализм: решение о создании ПРО предопределено и лучше договариваться полюбовно, либо США будут действовать в одностороннем порядке.

Отмечу, в опубликованных документах по итогам встречи министра иностранных дел РФ Игоря Иванова и государственного секретаря США Колина Пауэлла, одним из важнейших результатов является то, что Колин Пауэлл подтвердил готовность к диалогу с тем, чтобы каждая страна решала задачи, связанные с интересами национальной безопасности, не нанося ущерба другой стране.

Подбрасываются мнения, что Россия сама попустительствует ракетному распространению, поэтому США вынуждены как-то реагировать. Есть аргументы, чтобы поспорить с этими доводами. Договор по ПРО отнюдь не устарел, он по-прежнему является цементирующей основой, которую с таким трудом создавали в области ядерного разоружения и нераспространения последние 30 лет.

Конечно, США имеют юридическое и моральное право на самооборону, и они имеют право выйти из этого договора с шестимесячным уведомлением. В Договоре сказано также, что такое решение должно быть основано на исключительных обстоятельствах, которые поставили под угрозу высшие интересы. Вот и пусть США докажут, прежде всего, собственному народу и нам, что нашлись такие исключительные обстоятельства, которые требуют выхода из этого Договора. Мы готовы здесь подискутировать. А любые вопросы по Договору можно обсуждать в созданной еще в 1973 году постоянной консультационной комиссии, которая регулярно собирается. Не разделяем мы их фатализма в отношении того, что создание эффективной НПРО предпрешено.

Одна из альтернатив НПРО - российская инициатива о нестратегической ПРО для Европы, о которой

недавно широко сообщалось. Эту идею выдвинул наш президент, когда он был в турне по Западной Европе летом 2000 года. Сейчас наше военное ведомство совместно с другими заинтересованными учреждениями детализировало эти предложения, и они были представлены на суд общественности. Эта система была предложена для Европы, и она покажет, как можно решать вопросы ПРО без нарушения Договора по ПРО и на основе объединения технологических потенциалов.

Важно, что европейская ПРО будет открыта для всех государств. Это не какой-то клуб для избранных, он создается на добровольной основе совместными усилиями. Это система для борьбы с нестратегическими баллистическими ракетами, формирование которой могло бы идти поэтапно:

- необходимо оценить совместно, существует ли угроза ракетных ударов по европейским странам;
- если такая угроза существует, то необходимо формулировать концепцию построения архитектуры ПРО для решения задач борьбы с баллистическими ракетами;
- если концепция будет одобрена всеми, то можно предполагать создание и развертывание в виде мобильных, многонациональных подразделений по типу сил быстрого реагирования.

Был проявлен интерес к этой детализированной концепции, в том числе со стороны США. В отдельных беседах нам задавался вопрос: «А почему каждый человек под Мюнхеном или под Прагой должен чувствовать себя в большей безопасности, чем житель Чикаго?» Вопрос интересный и закономерный, но эта система открыта для всех заинтересованных государств и предполагает создание многонационального центра предупреждения о ракетном нападении. У нас сейчас налаживается опыт двустороннего взаимодействия с США. Был подписан меморандум о создании центра обмена данными. Если у американской стороны не будет возражений, то мы могли бы этот центр использовать на многосторонней основе для заинтересованных стран.

В целом наша принципиальная позиция в защиту Договора по ПРО остается в силе. В то же время, как подтвердила встреча с госсекретарем Колином Пауэллом, и Российская Федерация, и США настроены на конструктивный диалог, на обмен мнениями по тем вопросам, которые стоят на нашей повестке дня. Если сравнить стенограммы того, что говорили Колин Пауэлл и Игорь Иванов, все остались удовлетворены этой встречей. Важно то, что она положила начало личному, персональному знакомству министров иностранных дел двух стран, что имеет важное значение для дальнейшего диалога. ■

Информация

Ракетные системы и технологии: проблемы нераспространения и распространения

Южная Корея заявила о намерении начать производство ракет повышенного радиуса действия, которые будут способны достигнуть ключевых объектов на территории Северной Кореи. Южная Корея намерена приступить к производству ракет радиусом действия до 300 км, способных нести нагрузку до 500 кг. При снижении боевой нагрузки радиус действия таких ракет может увеличиться до 500 км, что позволит достичь практически любой точки на территории Северной Кореи, за исключением небольшой части на северо-востоке страны. Ранее по договору с США от 1979 года Южная Корея брала на себя обязательство не разрабатывать и не производить ракеты с дальностью пуска свыше 180 км. После длительных переговоров, начатых еще в 1995 году, в начале января 2001 года США согласились на развитие южнокорейской ракетной программы в пределах режима по контролю за распространением ракетных технологий, позволяющего создание ракет с радиусом действия до 300 км. (*Associated Press*. 17 января 2001.)

«Индия запустила ракету *Агни-2* исключительно в целях совершенствования своей системы обороны», - заявил премьер-министр Атал Бихари Ваджапай. В опубликованном его заявлении по поводу пуска говорится, что испытание «не представляет угрозы для какой-либо страны и осуществлено без каких-либо агрессивных замыслов». *Агни-2* - оперативно-тактическая баллистическая ракета с радиусом действия до 2500 тыс. км. Она способна нести ядерный боезаряд весом до тонны. Официальный Исламабад расценил запуск как *прямую угрозу безопасности* Пакистана. МИД КНР заявил, что *принял во внимание* это событие. Япония и Англия выразила надежду, что оно не подтолкнет гонку ракетно-ядерных вооружений в Южной Азии. (*Итап-Тасс*. 19 января 2001.)

ВВС опубликовала снимки запуска первой крылатой ракеты, разработанной в Европе. Ракета *Storm Shadow*, запущенная с высоты 6000 метров в Бискайском заливе, пролетела 250 км на высоте менее 100 метров, следуя рельефу, и поразила намеченную цель. Ракета практически невидима для любых систем слежения. Для самонаведения она использует систему глобального позиционирования, а снимки, которые делает установленная на ракете камера, сравниваются с хранящимися в памяти *Storm Shadow* картами местности. В ходе испытаний она отличала заданную цель от двух специальных макетов. В серийное производство *Storm Shadow* должна поступить в конце 2002 года. В компа-

нию, создавшую *Storm Shadow*, входят предприятия пяти европейских стран: британская *BAE Systems*, франко-немецко-испанская *Aeronautic Defense & Space* и итальянская *Finmeccanica*. Ее представители заявили, что намерены потеснить на мировых рынках американскую *Raytheon* - признанного лидера в этой области. (*НСН: Темы Дня*. 31 января 2001.)

В ближайшее время индийские конструкторы намерены создать новую модификацию баллистической ракеты средней дальности *Агни*, - сообщил один из высокопоставленных сотрудников министерства обороны Индии. Новая модель будет называться *Агни-3*. Новая модель ракеты будет значительно превосходить предыдущие варианты *Агни* - *Агни-2* в несколько раз. (*Рейтер*. 8 февраля 2001.)

В российском военном руководстве отвергают обвинения министра обороны США Дональда Рамсфельда о том, что Россия якобы нарушает режим нераспространения ракет и ракетных технологий. Подобные заявления полностью не соответствуют действительности. «Россия, не в пример Соединенным Штатам, - отметил начальник главного управления международного военного сотрудничества министерства обороны России Леонид Ивашов, - безупречно выполняет все свои международные обязательства в рамках заключенных ею договоров и соглашений, в том числе и в области режима нераспространения ракет и ракетных технологий» (*ТСН*. 14 февраля 2001.)

В ближайшее время в Павлограде (Днепропетровская обл.) начнется экспериментальный гидроразрыв твердого топлива ракет, который осуществляется по технологии американской *Theokol*, - сообщил журналистам в Киеве генеральный директор Национального космического агентства Украины (НКАУ) Александр Негода. Согласно подписанному 12 февраля в Днепропетровске украинско-российскому меморандуму по сотрудничеству в проведении утилизации твердотопливных стратегических РС-22 (они же SS-24) и РСМ-52, в Павлограде будет проводиться утилизация первых ступеней российских стратегических SS-24. Твердотопливные стратегические SS-24 подлежат ликвидации согласно договору СНВ-1. На территории Украины находится 46 ракет SS-24. Планируется, что их ликвидация будет завершена в декабре 2001 года. (*Интерфакс-Украина*. 15 февраля 2001.)

Inquirer сообщает, что в Ирак из Югославии и Украины были нелегально завезены ракетные батареи типа SAM-6. Эти ракетные системы представляли достаточно серьезную угрозу для британских и американских пилотов, совершающих патрулирование над территорией Ирака. (*PRO.NAS*. 19 февраля 2001.)

Пакистанские подводные лодки могут быть оснащены ракетами с ядерными боезарядами. Заместитель начальника Генштаба ВМФ Пакистана Афзал Тахир не исключает, что речь идет о субмаринах *Агоста 90-Б*. По словам вице-адмирала Афзала Тахира, руководство ВМФ «обдумывает план оснащения подлодок ядерным оружием в целях обороны, а также с целью достижения качественного превосходства над значительно превосходящими силами противника, имея в виду соседнюю Индию, которая, по данным пакистанских военных, планирует разместить крылатые ракеты на своих плавсредствах. (*НСН: Темы Дня*. 22 февраля 2001.)

Ирак располагает двумя закупленными за рубежом ракетами дальнего радиуса действия *Scud B*, а также собственными ракетами этого типа, пусковыми устройствами и необходимым для запуска ракет топливом, более 50 единицами бомб R400 и пятью боеголовками *Эль-Хусейн*. Однако, как указывает *Financial Times*, эти данные вызывают сомнения у ряда членов СБ ООН, так как они подготовлены на основе информации, полученной от UNCOM. Это связано с тем, что с тех пор, как UNCOM покинула Ирак, инспекции ООН в этой стране больше не проводились. (*Версия.com*. 2 марта 2001.)

Россия якобы предоставила Ирану ракетные и ядерные технологии, - утверждал, выступая на закрытых слушаниях в сенатском комитете по разведке конгресса США, начальник разведывательного управления министерства обороны США вице-адмирал Томас Уилсон. Об этом говорится в распространенном сообщении Пентагона. Обвинения он высказал и в адрес Китая, который, по его словам, помог Пакистану в создании ракетного оружия. Уилсон назвал КНДР одним из основных источников распространения компонентов баллистических ракет. (*NTV.RU*. 7 марта 2001.)

Северная Корея намерена в очередной раз осуществить поставки за рубеж компонентов баллистических ракет *Scud*. Об этом сообщает газета *Washington Times* со ссылкой на источники в американской разведке. Спецслужбы США подозревают, что они предназначены для производства двух модификаций ракет *Scud* дальностью действия 300 и 500 км. Кто должен стать получателем груза, неизвестно. В недавнем докладе ЦРУ отмечалось, что КНДР экспортирует ракетные технологии в Египет, Пакистан, Иран и Ливию. Проблема распространения Пхенья-

ном ракетной техники обсуждалась в Вашингтоне на встрече президента США Джорджа Буша-младшего с президентом Южной Кореи Ким Дэ Чжуном. Оба лидера выразили по этому поводу серьезную обеспокоенность и подтвердили намерение добиваться от КНДР прекращения ее программы создания ракет большой дальности. (*Страна.ру*. 10 марта 2001.)

Российские производители морских вооружений представляют на мировой оружейный рынок вариант противокорабельной ракеты с искусственным интеллектом *Яхонт*, предназначенной для борьбы с морскими авианесущими группировками и имеющей самую совершенную систему наведения: при залповом огне ракеты сами классифицируют цели по важности, выбирают тактику атаки и план ее проведения. Уничтожив главную цель, ракеты атакуют другие корабли по схеме *один корабль - одна ракета*. В течение ближайших десятилетий ни один флот мира не будет иметь средств борьбы с этим русским оружием. *Яхонт* весит три тонны, длина - 8,9 м, диаметр - 0,7 м. Дальность полета - свыше 300 км при скорости почти в три раза превышающей скорость звука. Вес боевой части ракеты - 200 кг. При подходе к цели *Яхонт* снижается над морской поверхностью до 1,5 м. По мнению экспертов, *Яхонт* не будет иметь конкурентов на мировом рынке оружия в ближайшую четверть века. (*MIGnews.com.ua*. 3 апреля 2001.)

Индия намерена арендовать у России две ЗРС *С-300ПМУ*, выплачивая за это около 50 млн долл. в год. В перспективе Индия хотела бы получить на таких же условиях еще четыре аналогичные системы. (*Независимое Военное Обозрение*. 13 апреля 2001.)

В последнее время некоторые разведывательные службы - прежде всего американское ЦРУ, израильский Моссад и немецкая БНД - сделали несколько предупреждений относительно новой угрозы, которая принимает вполне реальные контуры. Речь идет о том, что большая часть Европейского континента практически находится в зоне досягаемости ракет, имеющих у стран Ближнего Востока. Например, у Ливии есть ракеты *Тэподонг* северокорейского производства, по экспертным оценкам, имеющие дальность полета от двух до четырех тысяч километров. Недавно и Ирак разработал собственную ракету, которая может пролететь до трех тысяч километров. Однако никто не оценит последствий их возможного практического использования, даже если Европа благодаря средствам ПРО сможет защититься от него. Что произойдет со странами Средиземноморья, в воздухе которых будет сбита, например, ракета с атомной, химической или биологической боеголовками? (*Газета "2000"*. 2 мая 2001.)

Северокорейский лидер Ким Чен Ир сказал, что Пхеньян заинтересован в экспорте ракетных технологий,

сообщил верховный комиссар ЕС по международным делам Хавьер Солана. «Если будут покупатели, мы будем продавать», - привел слова главы КНДР Хавьер Солана. Аналитики минобороны США говорят, что Северная Корея является мировым лидером по экспорту технологий баллистических ракет, в основном на Ближний Восток. Ким обещал придержи-

ваться моратория на запрет испытаний ракет вплоть до 2003 года. Мораторий был введен в 1999 году по инициативе США после того, как Северная Корея испытала ракету *Тэподон*, которая пролетела через воздушное пространство Японии, что вызвало обеспокоенность во всем мире. (*AtlasUA.net*(со ссылкой на *Рейтер*). 4 мая 2001.)

Освоение космического пространства и мировой рынок космических технологий

В рамках международной космической программы *Sea Launch* Украина в 2001 году планирует произвести и запустить на орбиту три ракетопосителя *Зенит-3SL* с телекоммуникационными спутниками *XM Radio-1*, *XM Radio-2*, *Galaxy-3C*, изготовленными американской корпорацией *Hughes Space and Communications International*. В то же время в рамках сотрудничества Украины и России по программе запуска космических аппаратов в текущем году предусмотрены запуски ракетопосителя *Зенит-2* с метеоспутником *Метеор-3М* и ракетопосителя *Циклон-2* с космическим аппаратом УС-ПМ. Украина также подписала договоры о сотрудничестве в области космических исследований с 23 странами, в том числе с США, Китаем, Бразилией и Индией. (*Электронные Вести*. 3 января 2001.)

Украина и Россия могут оказывать широкий спектр космических услуг, используя в коммерческих целях ракетопосители *Зенит*, *Циклон*, *Днепр* и космодром *Байконур*, а также будут принимать участие в проекте морского запуска. Страны договорились о координации действий на мировом рынке космических технологий и уверены, что кооперация будет взаимовыгодной, поскольку позволит существенно улучшить технические средства и качество космических услуг. Перед Украиной и Россией открываются широкие перспективы для совместной разработки стартовых двигателей и в использовании модифицированных ракетопосителей *СС-18*. (*PRO.NAS*. 15 февраля 2001.)

Российские и американские ученые собираются объявить, что они закончили строительство космического корабля *Космос-1*. Его разработчики считают, что если старт корабля пройдет успешно, то это будет важный шаг в освоении космоса. Корабль оборудован своего рода парусом, части которого сделаны из сверхтонкой пленки и напоминают лепестки. С их помощью *Космос-1* будет улавливать солнечный ветер и таким образом лететь. Проект совместно разрабатывают Научно-испытательный центр имени Бабакина и Планетарное общество в Пасадине, штат Калифорния. *Космос-1* запустят из Баренцева моря с борта российской подводной лодки при помощи специально переоборудованной баллистической ракеты. Официальные представители Росавиакосмоса и дру-

гих компаний, занимающихся исследованиями космоса, пока информацию не комментируют (*NTV.RU*(со ссылкой на *Итаp-Тасс*). 26 февраля 2001.)

США осуществили запуск ракеты-носителя *Титан-4* с военным спутником связи *Милстар-2* на борту. Самый мощный носитель Военно-воздушных сил США стартовал с космодрома на мысе Канаверал (штат Флорида). Предназначенный для Пентагона коммуникационный спутник последнего поколения *Милстар-2* стоит 800 млн долл. На орбите уже находятся два спутника *Милстар*. Всего планируется запустить шесть спутников *Милстар*. (*Страна.ru*. 28 февраля 2001.)

Гигантский воздушный шар, которому предстоит открыть новую эру космических исследований, был запущен в Австралии через две недели после того, как первая попытка потерпела неудачу. Воздушный шар, созданный американским агентством космических исследований НАСА, совершит кругосветное путешествие на высоте 35 км над поверхностью Земли, следуя вдоль кромки верхнего слоя атмосферы и изучая открытый космос. Беспилотный шар, наполненный гелием, размерами напоминает крытый футбольный стадион. Шар сделан из пластика, тонкого, как папиросная бумага. Его создатели надеются, что он станет дешевой альтернативой дорогим ракетам и спутникам. (*Mig news.com.ua*. 11 марта 2001.)

Михаил Касьянов подписал распоряжение о сотрудничестве российских предприятий космической отрасли с австралийской компанией *Asia-Pacific Space Center*. Корпорация *Энергия* совместно с центром ЦСКБ *Прогресс* и КБ *общего машиностроения*, при поддержке австралийской компании *APSC* разработают ракету-носитель среднего класса *Аврора* и построят для ее запусков на острове Рождества, расположенном в Индийском океане, коммерческий космодром, что удобно близостью к экватору. Для этого необходимо 500 млн долл. и три года строительства. Местное законодательство разрешает строить новые стартовые площадки при двух условиях: ракеты должны быть экологически чистыми, а космические запуски - прибыльными. (*HCH: Темы Дня* (со ссылкой на *Коммерсант-Daily*). 12 марта 2001.)

Первые запуски на орбиту космической техники с воздушной платформы *Ан-124 Руслан* планируется начать через два года. Аэрокосмическая корпорация *Воздушный старт* обеспечит запуск космических аппаратов массой до трех-четырёх тонн ракетами-носителями *Полет* с любой точки планеты, где есть взлётная полоса длиной 3 км. С украинской стороны в проекте участвует АНТК *Антонов*. Его задание - модернизировать четыре российских *Руслана* для космических целей. Кроме АНТК в проекте участвуют российские ракетно-космическая корпорация *Энергия* им. Королева, Научно-производственный центр им. Пилюгина, авиакомпания *Полет* (Воронеж) и конструкторское бюро. (Сегодня. 16 марта 2001.)

За 39 лет реализации программы космических исследований *Космос* в кооперации со смежниками конструкторское бюро *Южное* разработало 45 типов космических аппаратов, на орбиту выведено 357 космических аппаратов, которые были изготовлены производственным объединением *Южный машиностроительный завод* по документации КБ *Южное*. Появилась целая плеяда ракет-носителей *Космос*, *Интеркосмос*, *Циклон-2*, *Циклон-3*, *Зенит-2*, *Зенит-3SL*, многие из которых в настоящее время успешно используются для выведения космических аппаратов. Ракета-носитель *Зенит* известна сегодня во всем мире и является стержнем, на котором была создана и успешно реализуется международная космическая программа *Морской старт*, отметили в КБ *Южное*. (Интерфакс-Украина. 16 марта 2001.)

По итогам заседания Высшего Госсовета Союза России и Белоруссии подписано соглашение о создании межгосударственной компании *Аэрокосмическое оборудование*, сообщил вице-премьер РФ Илья Клебанов. Речь идет о создании международного холдинга, который будет заниматься разработкой и созданием авионики - бортовых систем для космической и авиационной отраслей. Объединение материальных средств соответствующих предприятий и интеллектуального потенциала поможет развивать отрасль, которой сейчас грозит упадок. Белорусские предприятия выпускают те элементы бортовых комплексов, которые не делаются в России. А на создание собственных производств взамен оставшихся в Белоруссии у корпорации нет средств. (НСН: Темы Дня (со ссылкой на РИА-Новости). 2 апреля 2001.)

Россия погасит задолженность за аренду космодрома *Байконур* в 1999 году в размере 65 млн долл. поставками своих товаров Казахстану. Об этом договорились 6 апреля 2001 года на встрече в Доме правительства РФ вице-премьер, министр финансов РФ Алексей Кудрин и министр финансов Казахстана Мажит Есенбаев. Как сообщил журналистам пресс-секретарь вице-преьера Геннадий Ежов, министры финансов двух стран согласовали параметры

межведомственного соглашения по вопросу погашения задолженности. Соответствующий документ, как ожидается, будет подписан в ближайшее время. (Итар-Тасс. 6 апреля 2001.)

Российские специалисты разрабатывают проект орбитальной станции под условным названием *Мир-2*, подтвердил генеральный директор Российского космического центра имени Хруничева Александр Медведев. Проект разработки новой орбитальной станции сейчас находится на начальной стадии. За его основу взяты прежние советские и российские разработки, успешно применявшиеся во время работы над первым *Миром*. Над новой станцией трудятся несколько российских космических центров. (Инф. Эвиста. 12 апреля 2001.)

В настоящее время Украина является участником международной кооперации на мировом космическом рынке и принимает участие более чем в 20 международных космических программах. За годы становления мировой космонавтики в Украине осуществлена разработка четырех поколений ракет стратегического назначения, а также порядка 400 спутников серии *Космос* и *Интеркосмос*, практически всех систем управления космическими аппаратами. (Интерфакс-Украина. 12 апреля 2001.)

Правительства стран Европейского союза обещали выделить 100 млн евро (90,17 млн долл.) для финансирования работ по созданию новой спутниковой навигационной системы *Galileo*, которая составит конкуренцию американской *Global Positioning System* (GPS). Такую же сумму внесет Европейское космическое агентство (ESA). Весь проект оценивается в сумму около 3,5 млрд евро, половину из которых Европейский союз рассчитывает получить от частных инвесторов. Начало предоставления навигационных услуг намечено на 2008 год. К этому сроку должно быть запущено 30 спутников. (Корреспондент.net. 12 апреля 2001.)

Результатом сотрудничества ученых Львовского центра Института космических исследований с российскими и польскими коллегами стала уникальная разработка - щелевой волновой зонд. Впервые в мире ученые смогли надежно определить чисто экспериментальными методами вектор и дисперсию волн в системе отсчета неподвижной плазмы, что предполагает международный спутниковый проект *Вариант*. Львовская новинка войдет в комплекс оборудования спутника дистанционного зондирования *Сич-1М*, который будет выведен на полярную круговую орбиту высотой около 670 км. (Украинское Радио. 12 апреля 2001.)

Конструкторское бюро *Южное* примет участие в тендере на создание первого египетского спутника дистанционного зондирования *Иджиптсат-1*. Кроме

Украины, в нем принимают участие Корея, Россия, Италия. Египетская делегация посетила Украину и провела переговоры с руководством НКАУ, а также руководителями предприятий *Южное*, *Южмаш* и *Хартрон*. Сейчас продолжается работа над созданием новых спутников *Сич-1М*, *Сич-2* и микроспутника. Вывод на орбиту спутника *Сич-1М* состоится уже в начале 2002 года. Украина имеет значительный опыт в разработке и создании спутников, в частности, уже в период независимой Украины были созданы и выведены на орбиту совместно с Россией спутники *Сич-1* и *Океан-О*. (*Газета* 2000. 14 апреля 2001.)

Один из наиболее известных европейских экспертов в области оборонной промышленности и торговли вооружениями французский профессор Жан-Поль Эбер считает, что в ближайшие десять лет продукция авиакосмической промышленности будет рынокообразующим элементом. (*Зеркало Недели*. 21 апреля 2001.)

Российские и украинские производители ракет добились значительного прогресса на рынке космических спутников, считает Филип МакАлистер из американского космического консалтингового агентства *Futron*. В 2000 году 13 из 35 коммерческих запусков были совершены на российских ракетах, один из которых был осуществлен *Космотрасом*, а три - Украиной. Таким образом, их общая доля на рынке составила 46%, в два раза больше, чем в 1998 году. «Российские и украинские ракеты оказались очень конкурентоспособными[...] Дело не только в цене, надежности или качестве, дело в сочетании всех трех элементов», - считает МакАлистер. Главная проблема состоит в том, чтобы убедить скептически настроенный рынок в надежности *Днепра*: ракеты *СС-18* совершили 159 запусков - к счастью, тестовых - и достигли коэффициента надежности 0,97% - превосходный показатель по стандартам космической промышленности. Но так как эти ракеты были модифицированы для полетов в космос, некоторые аналитики сомневаются, что коэффициент надежности *Днепра* можно приравнивать к коэффициенту надежности *СС-18*. Другая проблема - строгие американские правила лицензирования при запуске любых американских технологий на иностранных ракетах, и из-за этих правил, по сути, теряется треть рынка. Некоторые российские и украинские заводы поняли, что им будет легче найти заказы, если они

объединятся с американскими аэрокосмическими компаниями, которые берут на себя маркетинг, лицензирование и финансирование, в то время как заводы производят ракеты. Особенно эффективно такие партнерские отношения работают на рынке запусков на геостационарную орбиту - для этого нужны невероятно мощные ракеты, такие, как украинский *Зенит* и российский *Протон*. Многие из таких полетов стали результатом партнерских отношений между США и Россией. В их числе - проект *Sea Launch*, в реализации которого принимают участие украинский завод *Южмаш* (15%), российская компания *Энергия* (25%), норвежская *Kvaerner Maritime* (20%) и американская аэрокосмическая компания *Boeing*. Другой пример сотрудничества - Международная система запуска (*International Launch Systems*), совместное предприятие российского космического центра Хруничев и американского аэрокосмического конгломерата *Lockheed-Martin*. В прошлом году состоялось 14 запусков - в космос отправилось шесть российских ракет *Протон* и восемь американских ракет *Atlas*. В прошлом году Международная система запуска (ILS) запустила в космос больше спутников, чем какие-либо другие группы - участники этого рынка. (*Эксперт-Центр* (со ссылкой на *Financial Times*. 4 мая 2001.)

В мае с плавучего космодрома *Морской старт* в Тихом океане был осуществлен коммерческий запуск американского трансляционного спутника *ХМ-1 Roll*. Спутник вывела на орбиту российско-украинская ракета-носитель *Зенит-3СЛ*. Запуск прошел успешно, космический аппарат выведен на геостационарную орбиту. (*Part.org.ua*. 9 мая 2001.)

Пентагон намерен включить в стратегические планы использование космического пространства. Как сообщает газета *New York Times*, министр обороны США Дональд Рамсфелд выступает за ускоренное развитие всех военно-космических программ. Глава Пентагона намерен выступить с предложениями, которые станут первым шагом к переносу центра тяжести оборонных расходов США на программы по созданию систем вооружения, применимых в открытом космосе. Ожидается, в частности, что Рамсфелд предложит создать в министерстве обороны должность генерала Военно-воздушных сил, который будет курировать процесс создания космических сил. (*UA.Today.net*. 10 мая 2001.)

Проблемы противоракетной обороны

Глава делегации американских конгрессменов Курт Уэлдон привез в Москву предложение о совместной разработке системы противоракетной обороны. Речь могла бы идти о совместных научных разработках элементов ПРО, о размещении на российских предприятиях американских заказов и в дальнейшем о создании совместной системы управления ПРО. (*НСН: Темы дня*. 19 февраля 2001.)

Уже известны компании - подрядчики, которым должны достаться федеральный заказ на создание национальной противоракетной обороны (НПРО). Примерно на 60 млрд долл. претендуют *Boeing*, *TRW* и *Raytheon* - они должны будут изготовить ракеты-перехватчики наземного базирования. Ракеты морского базирования (начальная стоимость контракта-

50 млрд долл.) должны создавать - *Lockheed Martin, Raytheon, General Dynamics u Litton Industries*. Боевые лазеры должны создать *TRW, Lockheed Martin, Boeing*. Все эти компании входят в число 15 фирм, которые в прошлом году получили почти 50% военного бюджета, где *Lockheed, Boeing u Raytheon* образуют первую тройку призеров. Многие американские фирмы, в частности *TRW*, неоднократно обвинялись в фальсификациях и подлогах результатов испытаний. Самый громкий скандал был связан с тем, что системы наведения ракет-перехватчиков оказались неспособны отличить баллистическую ракету от воздушного шара, движущегося на одинаковой высоте с ракетой. На последних испытаниях ракета уничтожила не ракету-мишень, а воздушный шар. Военные уверены, что можно потратить небольшие деньги на запуск сотни воздушных шаров, способных парализовать систему НПРО. Эту тактику, по данным американских экспертов, давно используют российские ракетчики, выпуская не только ракеты, но и сопровождающие ее ложные цели. (*Страна.ru*. 21 февраля 2001.)

США намерены ознакомиться и детально изучить предложения России в области противоракетной обороны, - заявил официальный представитель госдепартамента США Ричард Баучер. «Соединенные Штаты приветствуют признание Россией того факта, что Европа сталкивается с серьезной угрозой со стороны оружия массового уничтожения и ракетных систем доставки и что Россия признает необходимость оборонных систем для обеспечения защиты и стабильности», - сказал Ричард Баучер. Он подчеркнул, что США в целом приветствуют предложения о сотрудничестве в области ПРО. Однако система противоракетной обороны в Европе не защитит США от ракетных пусков и поэтому не будет заменой развертыванию национальной ПРО». (*Страна.ru*. 22 февраля 2001.)

Администрация Буша в данный момент не закладывает конкретных сумм на создание национальной системы противоракетной обороны в проект бюджета. Вместе с тем предусматривается солидный резервный фонд на непредвиденные расходы, в том числе оборонные. Об этом сообщил директор административно-бюджетного управления Белого дома Митч Дэниелс. Расходы на национальную ПРО пока не определены, поскольку глава Пентагона Дональд Рамсфельд только начал первый, по-настоящему всеобъемлющий пересмотр оборонных потребностей и стратегии страны со времен президента Эйзенхауэра. (*Итаp-Тасс*. 26 февраля 2001.)

У России уже есть национальная система ПРО, - пишет *Wall Street Journal* со ссылкой на публикации отставного американского разведчика Уильяма Ли. По словам Ли, у него есть доказательства, что, начав работу над своей НПРО еще до вступления в силу

Договора по ПРО, все последнее десятилетие Россия занималась ее модернизацией. Российская НПРО, по его мнению, представляет собой единую сеть РЛС раннего обнаружения, связанных между собой, и ракет-перехватчиков класса земля-воздух, способных сбивать баллистические ракеты на большой дальности. Ли заключает, что Россия не может отказывать США в праве создавать свою НПРО, а данное нарушение Договора с российской стороны позволяет Америке выйти из него. (*НСН: Темы Дня*. 7 марта 2001.)

«Мы хотим находиться в переговорном процессе и рассчитываем на это[...] Если же тем не менее в одностороннем порядке будут приняты решения о выходе из Договора о противоракетной обороне 1972 года, то наступят последствия юридического характера, не зависящие от России», - заявил Владимир Путин в интернет-конференции. По словам Президента РФ, «на Договор по противоракетной обороне от 1972 года, как на ось, нанизан целый ряд договоров и соглашений в сфере международной безопасности. Как мы только эту ось вынимаем, все они автоматически рассыпаются[...] Допустим, Россия ратифицировала Договор СНВ-2 о сокращении количества наших ракет стратегического назначения. Но в Законе о ратификации написано, что [...] эта ратификация применяется только в том случае, если соблюдается Договор по противоракетной обороне 1972 года. Значит, автоматом сразу по закону мы не обязаны соблюдать количественные ограничения в сфере ракетной обороны». (*НСН: Темы Дня*. 7 марта 2001.)

Цель предложений России по ЕвроПРО - на практике показать возможность противостояния потенциальным угрозам, не нарушая Договор по ПРО 1972 года и не ущемляя интересов безопасности друг друга, - сообщил на пресс-конференции в шведской столице глава МИД РФ Игорь Иванов. Комментируя заявление министра обороны США Дональда Рамсфельда о том, что Вашингтон больше не будет употреблять термин *национальная ПРО*, Иванов отметил, что это не меняет характер проекта, смысл которого - создание такой ПРО, которая закрывала бы всю территорию США. (*Страна.ru*. 10 марта 2001.)

Опасения ряда европейских стран и России относительно новой американской системы противоракетной обороны будут в конечном итоге устранены, - заявил генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон по итогам переговоров с руководством США. Робертсон отметил, что по решению президента США Джорджа Буша-мл. планируемая система ПРО уже более не называется *национальной*. Это, по мнению генсекретаря, должно показать Европе и России, что США не планируют защищать лишь себя. Однако глава российского министерства иностранных дел Игорь Иванов считает, что это не меняет характер проекта. По его словам, планы США по-

прежнему неприемлемы для России, так как нарушают Договор по ПРО от 1972 года. Россия, отметил Иванов, предлагает объединить свою ПРО с системами Европы и США, не нарушая при этом Договор по ПРО и не ущемляя интересов безопасности друг друга. (*НСН: Темы Дня*. 10 марта 2001.)

Договор по ПРО оказывает огромное влияние на международную стратегическую стабильность, - заявил заместитель генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Джаянтха Дханапала. Он подчеркнул, что система национальной противоракетной обороны, которую планируют развернуть США, вызвала среди государств опасение в том, что она может угрожать Договору по ПРО. По словам Дханапалы, в различных резолюциях, принятых ООН, было заявлено, что Договор по ПРО служит краеугольным камнем для стратегической стабильности в мире. (*Страна.ru*. 31 марта 2001.)

Министр обороны России высоко оценил роль станции раннего предупреждения ракетного удара Ганцевичи, которая заменила аналогичную Скрунде (Латвия). Признавшись, что сам не был на станции и технически не может оценить ее состояние, он сделал важное замечание: «В общем и целом, она в неплохом состоянии и играет очень важную роль в наших планах. Она фактически работает». Это значит, что и единая система ПВО на территории Беларуси и России по-прежнему функционирует. (*Белорусская Газета*. 21 апреля 2001.)

Президент США Джордж Буш принял решение не начинать в текущем году строительство радара для национальной системы противоракетной обороны на одном из островов у побережья штата Аляска, что могло стать первым шагом в развертывании ракетного щита. Проектом предусмотрено построить к 2011 году систему, объединяющую два командных центра, 15 мощных радаров, группировку из 29 спутников, 250 пусковых устройств, в которых будут размещаться ракеты с перехватчиками. Радары будут построены на Аляске, Гавайских островах, в штатах Калифорния и Мэн. Две новые станции планировалось развернуть в Японии и Южной Корее. Ориентировочная стоимость системы оценивается в 60-100 млрд долл. (*РИА-Новости*. 27 апреля 2001.)

Китай увидел угрозу от системы ПРО. Об этом сказал директор департамента МИД КНР по вопросам разоружения и контроля над вооружениями Ша Цзукан. Как он отметил в интервью газете *New York Times*: «[...] речь идет об относительно недорогих ответных мерах. Китай уже рассматривает планы противодействия американскому проекту ПРО. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы не допустить подрыва национальной безопасности, - подчеркнул высокопоставленный китайский представитель. И мы уверены, что мы сможем добиться этого, не вступая в гонку

вооружений. На наш взгляд, оборона сама нуждается в обороне. Это оборонная система. Она состоит из множества частей, и большинство из них уязвимы для нападения». Специалисты полагают, что возможны самые разные меры, вплоть до атак на уязвимые радиолокационные системы (РЛС) и узлы связи, которые будут играть роль нервной системы НПРО. Ша Цзукан также дал понять о возможности установки на китайские ракеты специальных устройств, способных ввести в заблуждение РЛС в рамках американской системы ПРО. (*Экспресс-Центр*. 30 апреля 2001.)

Россия готова к консультациям с США по всей проблематике стратегической стабильности. Об этом заявил министр иностранных дел России Игорь Иванов, комментируя выступление Джорджа Буша в американском Университете национальной обороны. В Москве считают принципиально важным заявление президента США о том, что его администрация не намерена идти на односторонние шаги и выкладывать на стол уже готовые варианты, а будет консультироваться со своими союзниками, друзьями, другими государствами, в частности с Россией. (*Страна.ru*. 2 мая 2001.)

Американский сенатор-демократ Джозеф Байден заявил, что реализация инициативы президента США Джорджа Буша-м.л. о создании системы национальной противоракетной обороны, видимо, приведет к новой массированной гонке вооружений. По словам Байдена, гонка вооружений начнется, прежде всего, в Китае, Индии и Пакистане. С точки зрения сенатора, безопасность США в результате не укрепит, а, наоборот, уменьшится. В то же время, по мнению лидера демократического меньшинства в сенате конгресса США Томаса Дэшла, нет никакого свидетельства тому, что это (система НПРО) работает. «Мы должны поставить несколько очень жестких вопросов в связи с новой инициативой Буша», - считает сенатор. (*NTV.RU*. 3 мая 2001.)

В США противники идеи частично завершить создание системы противоракетной обороны страны с элементами морского, воздушного и наземного базирования к 2004 году называли подобные планы средством устрашения, которое может привести к подрыву стратегической стабильности в мире. По мнению эксперта Фонда Карнеги Джозефа Сириччоне, разработка такой ПРО приведет к значительному осложнению международной ситуации. Он назвал наилучшим вариантом создание системы, «которая якобы защищает от баллистических ракет, а на деле не может этого сделать, и незавершенная ПРО будет стимулировать действия противников США в мире по разработке средств, противостоящих такой системе» (*Итаp-Тасс*. 3 мая 2001.)

Министерство иностранных дел Республики Беларусь намерено предложить президенту принять ре-

шение, которое формализует участие нашей страны в Договоре по противоракетной обороне от 1972 года. Об этом заявил 3 мая 2001 года пресс-секретарь белорусского внешнеполитического ведомства Павел Латушко, комментируя слова президента США Джорджа Буша о том, что Соединенные Штаты должны выйти за ограничения Договора по ПРО. Такой шаг, подчеркнул Павел Латушко, позволит нам более активно участвовать в многосторонних консультациях по всему спектру вопросов, касающихся договора. (*Белорусское Телеграфное Агентство*. 3 мая 2001.)

Первой европейской страной, поддержавшей идеи США по НПРО, стала Великобритания. Пресс-секретарь премьер-министра Тони Блэра заявил, что в целом это хорошая идея. Однако чуть ранее, выступая в парламенте, сам Тони Блэр отказался полностью поддержать идею НПРО. Глава британского внешнеполитического ведомства Робин Кук заявил, что Великобритания разделяет опасения США относительно опасности, которую представляют собой так называемые государства-изгои, и одобительно отозвался о предложениях Джорджа Буша-младшего о проведении широкомасштабных консультаций. «Важным вопросом является увиденное нами сегодня четкое намерение работать вместе с союзниками и с Россией, - подчеркнул Робин Кук. - Мы будем тесно сотрудничать с администрацией Буша, как мы это всегда делаем, как близкие союзники с общими стратегическими интересами». (*ForUm*. 3 мая 2001.)

Во Франции сдержанно и даже с обеспокоенностью относятся к планам создания в США национальной системы противоракетной обороны. Она не оправдана никакой реальной угрозой и только усилит напряженность в отношениях Америки с Россией и Китаем. Модернизированный вариант звездных войн, который предлагает президент Джордж Буш-младший, только осложнит отношения США с Россией, нарушит существующее сегодня стратегическое равновесие, усилит гонку вооружений и даст лишний повод Америке считать себя единственной супердержавой в мире. Выдвигая планы создания ракетного щита, президент США забывает или просто игнорирует интересы европейских союзников НАТО, которые стремятся создать свою собственную систему обороны. (*Le Figaro*. 3 мая 2001.)

Опасения по поводу создания в США системы НПРО высказала председательствующая в Европейском Союзе Швеция. «Мы призываем президента Буша воздержаться от создания НПРО, равно как мы призываем Китай, Индию и Пакистан прекратить развитие своих ядерных арсеналов», - подчеркнула министр иностранных дел Швеции Анна Линд. (*BBC*. 3 мая 2001.)

Индия поддержала новую доктрину стратегической обороны американской администрации, изложенную

президентом Джорджем Бушем в его выступлении в Университете национальной обороны. В заявлении министерства иностранных дел Индии говорится, что администрация США стремится изменить стратегические параметры, на которых зиждилась структура безопасности времен холодной войны. Индия уверенно присоединилась к США в том, чтобы сделать то, что не делала до сих пор ни одна ядерная держава, - перейти от политики сдерживания к политике противоракетной обороны. Заявление МИД свидетельствует о признании ряда стратегических реальностей. *Во-первых*, противоракетная оборона стала неизбежной. *Во-вторых*, такая оборона окажет влияние на страны, в ядерном мышлении которых преобладает наступательный фактор. И, *в-третьих*, ядерная ракетная оборона уменьшит значение Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, создающего Индии некоторые неудобства. (*Hindustan Times* (со ссылкой на *Рейтер*). 3 мая 2001.)

Канберра признает право американцев на создание оборонительной системы, способной защитить ее территорию, и одобряет план создания НПРО, - заявил министр обороны Австралии Питер Рит. Канберра не считает, что создание системы ПРО подорвет стабильность в мире, и готова обсудить план создания оборонительной системы с американскими представителями. Ранее министр обороны США Дональд Рамсфелд заявил, что Австралии будет отведена важная стратегическая роль в создании оборонительной системы. Предполагается, что американо-австралийская военная база *Пайн-Гэп*, расположенная у австралийского города Элис-Спрингс, будет играть важную роль в системе раннего предупреждения, предусматриваемой в рамках ПРО. (*РИА - Новости*. 3 мая 2001.)

«Канада крайне скептически отнесется к новым стратегическим оборонным инициативам американской администрации, если они предусматривают отказ США в одностороннем порядке от российско-американского Договора по ПРО 1972 года», - заявил министр иностранных дел Канады Джон Мэнли. Он подчеркнул, что Канада считает Договор 1972 года между Москвой и Вашингтоном краеугольным камнем глобальной безопасности. По мнению Джона Мэнли, Вашингтон должен сделать все возможное для того, чтобы снизить уровень напряженности в отношениях с Россией и Китаем, обострившихся в связи с американскими планами развертывания национальной системы ПРО. (*Страна.ру* (со ссылкой на *Итаp-Тасс*). 3 мая 2001.)

Китай предупредил США, что развертывание национальной системы ПРО создаст угрозу миру и стабильности на Земле. «Мы полагаем, что договор о противоракетной обороне является краеугольным камнем, на котором держится мировой стратегический баланс и стабильность», - передало агентство но-

востей *Синьхуа* реакцию одного из представителей МИД КНР на выступление президента США Джорджа Буша - мл. Отказ от выполнения договора приведет к новому витку гонки вооружений, что не будет на благо мировой стабильности и развитию, - считает МИД КНР. (*Рейтер*. 3 мая 2001.)

Неудачи разработчиков НПРО позволили вашингтонскому эксперту Джону Пайку заявить, что Буш говорит о системе, которая не работает и должна противостоять *несуществующей* угрозе. Новое испытание ПРО назначено на июнь. Однако создать инфракрасные радары космического базирования, которые будут наводить противоракету на цель, оказалось труднее, чем предполагали. К тому же эти радары должны быть размещены на одиннадцати спутниках, вывод которых на орбиту будет закончен лишь к 2011 году. (*НСН: Тема Дня*. 4 мая 2001.)

Китай обвинил Вашингтон в том, что он, приняв решение о развертывании системы национальной противоракетной обороны, добивается **абсолютного военного превосходства в мире**. Как передает *РИА - Новости*, об этом говорится в редакционной статье центральной китайской газеты *Чжунго жибао*, в которой комментируется недавнее выступление президента США по проблеме НПРО и отказа от Договора по ПРО от 1972 года. США, по мнению газеты, похоже, подталкивают мир к возвращению во времена холодной войны и выбирают путь военной конфронтации вместо того, чтобы решать споры посредством переговоров. «Соединенные Штаты, - отмечается в статье, - оставшись единственной сверхдержавой в мире, явно стремятся к завоеванию абсолютного военного превосходства и еще большего глобального гегемонизма». «В своем стремлении к обеспечению собственных интересов США без колебаний игнорируют международные законы и принципы», - подчеркивает *Чжунго жибао*. (*NTV.RU*. 4 мая 2001.)

«Трудно не согласиться с президентом США в том, что мир очень быстро меняется и могут появляться новые угрозы. Согласен с тем, что мы должны об этом думать, и согласен с тем, что мы должны противопоставить этому осмысленные действия. Вместе с тем я полагаю, что, действуя в направлении улучшения ситуации в сфере международной безопасности, мы

должны исходить из известного принципа *не навреди*», - сказал Владимир Путин. (*Рейтер*. 4 мая 2001.)

Украина не может оставаться в стороне от решения проблемы, связанной с противоракетной обороной, - заявил министр иностранных дел Анатолий Зленко. «Мы бы хотели принимать участие в этом процессе, так как в Севастополе и Мукачево Украина имеет две радиолокационные станции», - сказал министр. Он напомнил, что Россия, как и США, являются стратегическими партнерами Украины, подчеркнув, что Украина желает, чтобы и США, и Россия решили эту проблему. (*День*. 5 мая 2001.)

«Глава РФ Владимир Путин дал очень оптимистичный анализ недавней речи Джорджа Буша по ПРО», - заявила советник президента США Кондолиза Райс. «Мне кажется, что русские слушают», - отметила она. По словам Райс, никто не ожидает, что Россия примет завтра позицию Штатов, но Буш представил новое видение того, как нужно думать о сдерживании и ядерных вооружениях в контексте 2001 года, а не 1972-го года». Путин согласился с тем, что мы должны об этом думать, и с тем, что мы должны противопоставить этому осмысленные действия и мы должны исходить из принципа *не навреди*. Этого, по мнению Путина, можно добиться, исходя из двух принципов: не разрушать сложившуюся систему международной безопасности и действовать совместно. (*РИА-Новости*. 6 мая 2001.)

Против планов США по развертыванию НПРО выступили 106 британских парламентариев. В подписанном депутатами официальном документе выражается обеспокоенность по поводу намерения президента Джорджа Буша-младшего двинуться за рамки ограничений Договора по ПРО. Тем самым парламентарии поддержали позицию комитета палаты общин по внешнеполитическим делам, который ранее высказал самые серьезные сомнения в отношении американской НПРО. Ранее премьер Тони Блэр заявил о поддержке США и даже о намерении разместить часть противоракетных систем на территории Англии. Однако затем глава МИД Робин Кук заявил, что этот проект стоит очень дорого, и, чтобы предпочесть его другим оборонным затратам, Великобритании нужно серьезное конкретное предложение от США. (*Итар-Тасс*. 9 мая 2001.)

НОВОСТИ АВИАКОСМИЧЕСКИХ АГЕНТСТВ

• Российское авиакосмическое агентство (РАКА)

Генеральный директор Росавиакосмоса Юрий Коптев и главный исполнительный директор компании *Boeing* Филипп Кондит подписали долгосрочное соглашение о сотрудничестве, которое охватывает ряд вопросов в области космоса. Сейчас более 70 сотруд-

ников московского представительства компании *Boeing* проводят совместные исследования с 500 учеными из семи российских городов. Запланировано использование ракетополетов *Зенит* для выведения на околоземную орбиту космических спутников. Эту программу назвали *Земной старт*. (*Независимая Газета*. 14 апреля 2001.)

Российское авиационно-космическое агентство по-прежнему связывает свои основные планы с космодромом *Байконур*, который РФ арендует у Казахстана. Как заявил в опубликованном 16 апреля 2001 года интервью американской газете *Space News* заместитель генерального директора Росавиакосмоса Александр Кузнецов, *Байконур* будет использоваться до тех пор, пока продолжается освоение космического пространства. Александр Кузнецов рассказал, что правительство России и Росавиакосмос уже обсуждали с руководством Казахстана вопрос о дальнейшей аренде *Байконура* и президент Нурсултан Назарбаев дал понять, что проблем с этим не ожидается. Альтернатив использованию космодрома Россией Астана не видит. В то же время продолжится создание инфраструктуры космодрома *Плесецк* в Архангельской области, но он будет выполнять свои собственные задачи. Что касается космодрома *Свободный* на Дальнем Востоке, то, по словам Кузнецова, «Росавиакосмос не рассчитывает на его быстрое развитие». (*Итар-Тасс*. 17 апреля 2001.)

• Национальное аэрокосмическое агентство США (NASA)

Джордж Буш - мл. направил в американский конгресс проект бюджета NASA. В нем он высказал резкое недовольство перерасходом средств (4 млрд долл.) при строительстве МКС и потребовал завершить его на три года раньше, то есть к 1 января 2003 года. Кроме того, президент США предложил NASA при сооружении и эксплуатации МКС уложиться в 25 млрд долл. до 2014 года. NASA же планировало освоить в три раза больше - 75 млрд долл. Радикальное сокращение сметы космического проекта напрямую связано с планами по развертыванию национальной ПРО: средства, сэкономленные на строительстве МКС, будут направлены на создание противоракетного щита. (*НСН: Темы Дня*. 5 марта 2001.)

Соглашение о совместном участии в программе NASA по созданию систем и технологий для космического корабля многоразового использования второго поколения подписали в феврале американские компании *Келли спейс энд текнолоджи* и *Воут эркрафт индастриз*. Выводить на орбиту ракетоплан предполагается на спине тяжелого транспортного самолета. Вероятно, им станет переоборудованный *Boeing-747*. (*Интерфакс*. 15 марта 2001.)

Американский космический аппарат *Odyssey*, запущенный с Земли 7 апреля и направляющийся к Марсу, сделал с помощью своего оборудования первый фотоснимок и передал его в космическое агентство NASA. Объектив фотокамеры аппарата во время снимка был направлен на Землю. Земля была

снята в видимом и инфракрасном диапазонах. Таким образом, началась настройка измерительных систем станции, которым впоследствии предстоит определять параметры Марса и фотографировать его с орбит. (*Lenta.ru*. 26 апреля 2001.)

• Национальное космическое агентство Украины (НКАУ)

В ходе визита в Киев экспертов Европейского космического агентства (ESA) стороны обсудили перспективные направления развития сотрудничества, в том числе в области научного исследования дальнего космоса и проведения совместных научных исследований по наблюдению за Землей, а также участия украинских специалистов в научных программах ESA и европейских космических проектах. Отмечена и возможность использования европейскими коллегами инфраструктуры Евпаторийского центра управления полетами (Крым) в рамках намеченного на 2003 год запуска научного спутника *Mars Express*. (*Интерфакс-Украина*. 7 апреля 2001.)

Украина и Испания приступили к подготовке проекта межправительственного соглашения о сотрудничестве в космической сфере. Подготовка нормативно-правовой базы сотрудничества осуществляется по итогам встречи в Мадриде представителей НКАУ и Национального института аэрокосмической техники Испании (INTA). Перспективы украинско-испанского сотрудничества в области космоса рассматриваются в контексте дальнейшего развития сотрудничества с Европейским космическим агентством (ESA), в программах которого Испания принимает сегодня активное участие. (*Интерфакс-Украина*. 10 апреля 2001.)

Исходя из перспектив развития национальной космической программы, в Крыму прекратит свое существование Центр контроля космического пространства. Часть военно-космических сил, где отрабатывали задания почти все отечественные космонавты, станет достоянием истории. (*Народная Армия*. 28 апреля 2001.)

В Днепетровске на главном предприятии космической отрасли Украины ПО *Южмаш* состоялась рабочая встреча генерального директора Национального космического агентства Украины Александра Негоды с Послом США в Украине Карлосом Паскуалем. Во время встречи были очерчены направления дальнейшего сотрудничества США и Украины в космической сфере, налаживания взаимодействия в рамках реструктуризации космической отрасли Украины и подготовки совместных проектов. Подробности переговоров не разглашаются. (*Народная Армия*. 11 мая 2001.)

Бюллетень издается в рамках проекта *Нераспространение ракет и ракетных технологий* ПИР-Центра политических исследований (Россия) совместно с Центром исследования проблем нераспространения (Украина) и Центром изучения проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований (США).

Ракеты и Космос

Информационно-аналитический
бюллетень по проблемам
нераспространения ракет и
ракетных технологий

том 1, № 1, лето 2001

Бюллетень выходит четыре
раза в год и распростра-
няется бесплатно в России
и странах СНГ (прежде
всего, в Белоруссии,
Казахстане и на Украине)
среди экспертов, политиков,
промышленников и
бизнесменов.

*

Мнение редакции не
обязательно совпадает с
мнением авторов
материалов

Редактор:

Дмитрий Евстафьев

Помощник редактора:

Марсалина Цыренжапова

Бухгалтерия:

Вячеслав Зайцев

Координаторы проекта:

Клэй Мольц (США)
Владимир Чумак (Украина)

Информационное обеспечение:

Юрий Карпенко

Производство:

Виктор Меримсон

Консультант:

Василий Лата

Корректор:

Ада Кушнер

Компьютерное обеспечение:

Олег Кулаков

Технический редактор:

Карина Фуралева

Секретарь редакции:

Ольга Луканова

Распространение:

Наталья Харченко

Адрес для писем:

Россия, 117454,
Москва, а/я 17

Телефоны:

+7-095-335-1955
-330-6129
-330-6183

Электронная почта:

evstafiev@pircenter.org
(письма редактору)
tsyrenjarova@pircenter.org
(общие вопросы)
rcnp@carrier.kiev.ua
(Центр исследования проблем
нераспространения, Украина)

Интернет-представительство

<http://www.pircenter.org>

Факс:

+7-503-234-9558

Тираж: 500 экз.

Отпечатано в России

- Материалы Бюллетеня не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя.
- ПИР-Центр приветствует направление рукописей. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылаются по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда У. Олтона Джоунса.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований в России

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета
Владимир А. Орлов, директор и член Совета
Владимир А. Мау, член Совета
Юрий Е. Федоров, член Совета

© ПИР-Центр, 2001